

ВИКТОР РОЗОВ

«ГНЕЗДО ГЛУХАРЯ»

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица

Судаков Степан Алексеевич.
Наталья Гавриловна, его жена.

Искра, 28 лет
Пров, 16 лет
их дети.

Ясюнин Георгий Самсонович (Егор), муж Искры.
Коромыслова Ариадна Филипповна.
Валентина Дмитриевна, землячка Судакова. Дзирелли.
Юлия, переводчица.
Зоя, приятельница Прова.
Золотарев, сослуживец Судакова и Ясюнина.
Вера Васильевна, мать Зои.
Соня, переводчица.
Два негра.

Действие первое

В квартире Судаковых. Столовая, обставленная добротной мебелью, и кабинет хозяина дома Степана Алексеевича. Кабинет интересен тем, что весь уставлен и увешан диковинными предметами. На книжных полках и шкафу всевозможные фигурки, маски черного дерева, перья каких-то неведомых птиц, яйцо страуса, огромный кокосовый орех, засушенная человеческая голова малых размеров, раскрашенный лук с колчаном и стрелами, чучело небольшого крокодила, расписной щит, морские раковины и куски кораллов и целый ряд древнерусских икон. Массивный письменный стол, кожаный диван, временно превращенный в постель, и старинное кресло с высокой спинкой, то, что раньше называлось вольтеровским. В столовой – дочь Судакова Искра. Она сидит за столом и разбирает большую грудку писем, делает на них пометки толстым красно-синим карандашом, потом скрепками скрепляет их с конвертами. Через столовую в кабинет проходят сын Судакова Пров и девушка Зоя.

Зоя (проходя, Искре). Здравствуйте.

Искра (на мгновение отрывает взгляд от письма). Здравствуйте.

Пров и Зоя прошли в кабинет.

Зоя. Кто это?

Пров. Сестра, Искра.

Зоя. Как?

Пров. Искра, говорю. Зовут Искра.

Зоя (оглядывая кабинет). Шикарно!

Пров. Это кабинет отца.

Зоя. Музей.

Пров. Сувениры. Отец из разных стран всякую всячину привозит. А иконы – собирал. Говорит, лет десять назад на них поветрие было.

Зоя. А где он трудится?

Пров. Где-то в сфере работы с иностранцами.

Зоя (продолжая осматривать комнату). Надо же!.. Сколько у вас комнат?

Пров. Шесть.

Зоя. Подходяще.

Пров. Четыре наших, а две – Искры с мужем. Мы на одной площадке получили. Пробили внутри дверь и соединили. Квартира вроде одна, а на самом деле их две.

Зоя. У тебя, поди, отдельная комната?

Пров. Само собой. Там обои переклеивают, потолок белят. Вверху труба лопнула. Именно меня промочило! К Первому мая закончат.

Зоя. Житуха, поди, у вас...

Пров. В каждом доме, под каждой крышей... Что? Свое горе, свои мышцы.

Зоя. Какие у вас мышцы... С жиру разве.

Пров. А что? Лишний вес тоже заболевание. Читала в газетах? Рекомендуют диету, гимнастику, разгрузочные дни.

Зоя. Не разгрузочные, а нагрузочные надо.

Пров. Что делать – испытание на сытость...

Зоя. Лекарство достал?

Пров. Понимаешь, отцу все некогда. Но у них в аптеке есть, он достанет. А кому это?

Зоя. Подружке, Ирке Скворчковой. Отец у нее доходит. Он старый, конечно, лет пятьдесят будет, но жутко добрый. В ниточку вытягивается, а еще какой-то древней тетке помогает. У нее пенсия тридцать пять рублей.

Пров. Не жирно. Достанет... А вообще-то я против всех этих снадобий.

Зоя. Почему?

Пров. Средняя продолжительность жизни человека увеличилась, это так. Но ведь увеличилась жизнь не только порядочных людей, но и всяких гадов. Они, эти гады, живут и лечатся, лечатся и живут, конца нет.

Зоя. Что же ты предлагаешь?

Пров. Ничего не предлагаю. Просто такая мысль мне однажды пришла в голову.

Зоя (осматривая книжные полки). У вас Цветаева есть?

Пров. В каждом порядочном доме есть Цветаева, Пастернак и Юрий Трифонов.

Зоя. У вас все есть?

Пров. Кроме Худинкова.

Зоя. А кто это?

Пров. Худинков?

Зоя. Да.

Пров. Ты не знаешь, кто такой Худинков?

Зоя. Нет.

Пров. Надо же! Зря я тебя спасал.

Зоя. Да кто это?

Пров. Чему же вас в школе учат! Тьфу! Не стыдно?

Зоя. Так ты дай прочесть, я и узнаю.

Пров. Его даже у нас нет. Он бывает только знаешь в каких домах?

(Многозначительно поднял палец.)

Зоя. Не скажешь кто?

Пров. Нет.

Зоя. Нет?

Пров. Поцелуешь – скажу.

Зоя. Пожалуйста. (Целует Прова.)

Пров. Ну вот кто ты после этого? Продажная тварь. Никакого Худинкова на свете нет. (Помолчав.) Ты извини. У меня паршивое настроение, я и дурачусь. Шутка – якорь спасения, а то ко дну пойдешь.

Зоя. Что у тебя стряслось?

Пров. Всевозможные события.

Зоя. Какие?

Пров. Вне круга твоих интересов. (Взяв толстый альбом.) Глянь, какие страсти. Отцу вчера немцы преподнесли. Великий и кошмарный Босх! (Рассматривает альбом.)

В столовую входит Наталья Гавриловна. В руках у нее стакан с апельсиновым соком.

Наталья Гавриловна (ставя стакан на стол перед Искрой). Повитаминься.

Искра. Спасибо.

Наталья Гавриловна. Посмотри на меня.

Искра (поднимает голову). Что?

Наталья Гавриловна. Опять плакала? Утихнет.

Искра. Отец поздно придет домой, не знаешь?

Наталья Гавриловна. Наверно, поздно, у него ужин с какими-то испанцами или итальянцами. А зачем он тебе?

Искра (показывая на письмо). Здесь можно через него помочь.

Наталья Гавриловна. Ты же знаешь, он не любит и устает.

Искра. Несложное.
Наталья Гавриловна. Температуру мерила?
Искра. Да, нормальная.
Наталья Гавриловна. Погулять не хочешь?

Искра. Не хочу.
Наталья Гавриловна. А надо бы.
Искра. Разберусь. Накопилось.
Наталья Гавриловна. Пров не приходил?
Искра. Он там (кивнула в сторону кабинета) с какой-то барышней.
Наталья Гавриловна. Гоняет голодный... (Пошла в кабинет, вошла туда.)
Пров (Зое). Это моя мама.

Зоя. Здравствуйте. Меня Зоей зовут.
Наталья Гавриловна. А меня – Наталья Гавриловна. (Сыну.) Есть будешь?
Пров. Принеси по бутербродику.
Наталья Гавриловна (Зое). Вы с Провом в одном классе?
Зоя. Нет, я в обыкновенной школе.
Наталья Гавриловна. А мне кажется, я вас где-то видела.
Зоя. Я вас тоже. У меня мать около вашего дома в ларьке торгует. Вчера вы лимоны брали. Я и вешала. Мать курить выходила.

Наталья Гавриловна. Да-да, я вспомнила. А папа у вас кто?
Зоя. Папа водопроводчик. Но он сейчас в тюрьме.
Наталья Гавриловна. Какие-нибудь неприятности?
Зоя. Ерунда! Влез в драку – приятеля спасал. А у него в кармане нож был. И нож-то рабочий. Ему больше всех и вкатили.
Пров. Мама, анкету она потом заполнит. Принеси перекусить.
Наталья Гавриловна. Сейчас. (Ушла.)

Зоя. Мать у тебя подходящая.
Пров. Да, я, кажется, удачно выбрал.
Зоя. В прошлом году ко мне один цуцик клеился. Худенький такой, носатый, но симпатичный. И головастый, вроде тебя. Тоже позвал домой, отважился. Так его мамаша, когда мои выходные узнала, я думала, лопнет от ужаса. Глазами в меня, как из пулемета, садила. А Валерик, бедняга, юлил-юлил: «Мамочка, мамочка...» Думала, сдохну от смеха.
Пров. А где этот славный Валерик?

Зоя. Слинял.

Пров. Жаль. Я бы ему по шее ткнул... Ты после школы куда наметила?

Зоя. Попытаюсь в педагогический. А ты?

Пров. Я в МИМО.

Зоя. Ясненько.

Пров. Отец туда определяет.

Зоя. Ясненько, говорю.

Пров. Чего тебе ясненько?

Зоя. Все ясненько.

Пров. А что? Жизнь приобретает накатанные формы. Время стабилизации.

Зоя. А как же! Кругом видно. Я в педагогический. Буду твоих детей учить, они мне будут хамить.

Пров. Не ходи в педагогический.

Зоя. Почему?

Пров. Хуже школы ничего не бывает.

Зоя. А зачем ты в МИМО, если не хочешь?

Пров. Отец требует. Ему будет лестно. (Тянется к Зое.) Еще чуть-чуть.

Зоя. Не надо.

Пров. На копеечку.

Целуются.

На гривенник вырвал...

Входит Наталья Гавриловна, приносит бутерброды, бутылку фруктовой воды, стаканы.

Наталья Гавриловна. Перекусите. (Ушла.) Пров. Ешь. Это осетрина или севрюга, я всегда путаю.

Зоя. Моя мать тоже все достать может. Сапожки видал? (Показывает.)

Пров. Боже, какие черевички! Глазам больно. Счастлив тот, кто имеет такие сапожки, ковры и садово-огородный участок.

Зоя. А сам бы ты куда хотел?

Пров. На философский в МГУ.

Зоя. Ишь!

Пров. Но и против МИМО не возражаю.

Зоя. А ты возрази. Вот бы я ахнула!.. Слушай, у вас книги на замке держат или дают почитать?

Пров. Избирательно.

Зоя. Не дашь Цветаеву? Я аккуратная, клянусь! Пров. Была не была! Потеряешь или продашь – разнесу фрукты-овощи. (Ищет книгу.)

В столовую с портфелем в руках входит Егор. Одновременно появляется и Наталья Гавриловна.

Егор. Степан Алексеевич не приходил?

Наталья Гавриловна. Нет еще.

Егор. Наталья Гавриловна, я не успел перекусить. Если вам не трудно...

Наталья Гавриловна. Сейчас. (Ушла.)

Егор (поцеловал жену в голову). Задержался в Библиотеке иностранной литературы. Как себя чувствуешь, миленькая?

Искра. Превосходно.

Егор. Честное слово, если бы я знал, что ты будешь так переживать...

Искра. Приговор приведен в исполнение, обжалованию не подлежит.

Егор. Да не грызи ты себя, не грызи. «Все пройдет, как с белых яблонь дым».

Искра. Ну что ж, обопрись на твоего земляка.

Егор хочет обнять Искру.

Оставь, мешаешь.

Егор (кивнув на письма). Тебе уже и домой эту прелесть притащили?

Искра. У всех грипп. Накопятся – потом не разберешь.

В кабинете звонит телефон.

Пров (Зое). Возьми трубку.

Зоя (снимает трубку). Алло!.. Вы не туда попали. (Положила трубку.) Раззявы.

Спрашивают какого-то Степана Алексеевича.

Пров. Это отец. Зачем ты трубку положила?

Зоя. Я не знала.

Пров. Не знала – спросила бы.

Зоя. Перезвонят.

Звонит телефон.

Видал?

Пров (быстро). Скажи, нет дома, придет поздно.

Зоя (взяв трубку). Вас слушают... А кто его спрашивает?.. Нет, его нет, придет поздно... До свидания. (Кладет трубку.)

Пров. Зачем ты спросила, кто это? Не все ли тебе равно?

Зоя. Я из вежливости. Какая-то Валентина Дмитриевна. Старая, говорит, знакомая.

В столовой.

Егор (бегло просматривая письма). Это они тебе нервы выматывают. Странные люди. Уж как бывало трудно в жизни, никогда в газеты не жаловался.

Искра. Сильная натура.

Егор. В своем единоличном хозяйстве каждый должен управляться сам.

Приучили просить милостыню. И не по тебе эта работа. На такую надо ставить без нервов, железных.

Искра. Хорошо бы. Но ведь ты, к примеру, не пойдешь.

Егор. Я буду терпеливо ждать, когда ты переболеешь.

Искра. Потерпи, бедненький.

Егор. Не надо портить отношений, Искра. При всех условиях не надо.

Искра. А что это за условия?

Егор. Я просто так сказал.

Искра. А-а-а, а я подумала, уж и условия будут. Голос Натальи Гавриловны: «Георгий, я налила. Мойте руки».

Егор. Спасибо, иду! (Жене.) Не переутомляйся, милая. (Стоит около жены, думая, что бы еще сказать.)

В кабинете.

Пров (найдя книгу). Вот она, трагическая певица. А ты знаешь, она умерла в Елабуге, и могила ее неизвестна. Мне рассказывали, на ограде надпись: «В этом отсеке кладбища похоронена Марина Цветаева». (Передает Зое книгу, тянет губы.) Плата – три копейки!

Целуются.

Ой, целый полтинник!

Прошли в столовую.

Зоя. Здравствуйте.

Егор. Здравствуйте.

Зоя. До свидания.

Егор и Искра. До свидания.

Пров и Зоя ушли.

Егор. Пров развивается успешно. Опять новенькая. Откуда эта букашечка?

Искра. Спроси у Прова, если тебя интересует.

Проводив Зою, Пров вернулся.

Егор. Зря ты, Пров, книги налево-направо раздаешь.

Пров. Знакомая. Как же я скажу: не дам? Подумает – жадный.

Егор. Надо учиться отказывать. Неприятно попервой, потом тебя же больше уважать будут. Знакомые в этом деле враг номер один.

Пров. Мудрый ты человек, великий рязанец, мне бы твои волевые черты.

Егор. Хороший ты парень, Проша, но будет тебе жизнь выдавать и слева и справа.

Пров. Ничего, вырасту – заматерею.

Егор. Что ты ей дал?

Пров. Худинкова. Не знаешь, что ли?

Егор. А!.. Ну, это не жалко.

Голос Натальи Гавриловны: «Гора!»

Егор. Иду, Наталья Гавриловна! (Уходит.)

Пров (взяв со стола письмо, читает). «Дорогая редакция, четырнадцатого февраля мне штамповальным станком отрубило три пальца». Фу, жуть какая! «Я давно говорила, что станок старый и на нем работать нельзя. Вот теперь доказала. Но они, чтобы скрыть следы, станок живехонько заменили, пока я болела, и теперь мне пенсию дали не как за травму на производстве, а по моей халатности. В нашем городе где я только не была, мне все говорят: «Докажи». А как я докажу, когда старый станок куда-то спрятали. У меня трое детей, младшей два года. Она, конечно, в яслях, но все равно. Мужа у меня нет по причинам, от меня не зависящим. Помогите восстановить правду. Где же, как не в нашей стране, торжество справедливости? Кокорева М. В. Город Кимры». Кимры – где это?

Искра. На Верхней Волге.

Пров. Поедешь?

Искра. Пошлют – поеду.

Пров (взяв другое письмо, читает). «Инспектор нашего райжилотдела Кожемякин Олег Петрович оказал мне помощь в улучшении моих жилищных условий. Он очень старался, я ему предложила за услуги пятьдесят рублей, но он не взял и даже обругал меня. Вынесите ему через вашу газету благодарность за его бескорыстный поступок. Персональная пенсионерка Ильина Нина Варфоломеевна». А это что за стопка?

Искра. Рацпредложения.

Пров. А!.. Что-нибудь гениальное попадаетеся?

Искра. Дельное бывает...

Пров (взяв еще одно письмо, читает). «Уважаемый главный редактор, пишу лично вам». Ишь как важно!

«Год тому назад я женился. Мы живем втроем: я, моя жена и моя мать. Жена крепко не ладит с моей матерью, очень ругаются. Посоветуйте, кого мне оставить – мать или жену. С уважением, лейтенант Сойкин». Лейтенант, бросай к чертям собачьим обеих, генералом будешь!

Искра. Уйди, мешаешь!

Пров (читает другое письмо). «Заведующий нашей базой Девяткин Андрей Архипыч живет с кладовщицей Наседкиной Ефросиньей. Она, сука...»

Искра. Положи!

Пров. Нет, мне интересно, что она – сука...

Искра. Брось, говорю! Обыкновенная сплетня.

Пров (быстро пробежав глазами письмо, бросил на стол). Слушай, а сколько таких писем к вам в редакцию приходит?

Искра. Не мешай.

Пров. Примерно?

Искра. Ну, пятьсот – шестьсот штук.

Пров. В год?

Искра. В день.

Пров. Караул! (Опять взял письмо, читает.) «Дорогая редакция, как честный советский человек считаю своим гражданским долгом довести до вашего сведения...»

Искра. Положи! Наверно, кляуза.

Пров (пробежав глазами письмо). Точно! Как ты догадалась?

Искра. Ты уйдешь или нет?

Пров. Знаешь, вся эта ваша шарашкина фабрика по имени «отдел писем» смахивает на ту самую благотворительность, которую наше общество гордо отвергает.

Искра. Я что – частная лавочка?

Пров. Ну, государственная благотворительность. Надо искать корни этих безобразий – и рвать.

Искра. Вот после школы кончай институт журналистики, садись на мое место и рви корни. Я посмотрю, как у тебя пузо лопаться будет.

Пров. Слушай, а что тебе по ночам снится?

Искра. Мама!

Пров. Исчез, исчез! (Ушел в кабинет.)

Вошла Наталья Гавриловна.

Наталья Гавриловна. Что, Искрочка?

Искра. Это я Прошку выгоняла.

Звонок телефона, в кабинете.

Пров (в трубку). Алло!.. Нет, его нет... Наверное, поздно... До свидания. (Взяв книгу, уселся с ногами в глубокое кресло, читает.)

В столовой.

Наталья Гавриловна. Может, поговоришь со мной, Искра?
Искра. О чем?
Наталья Гавриловна. Считаешь, не о чем?
Искра. Считаю.
Наталья Гавриловна. Я же все вижу.
Искра. А если видишь, уж совершенно нелепо спрашивать.
Наталья Гавриловна. Может быть, что-то следует предпринять?

Искра. Нет.
Наталья Гавриловна. Искрочка, с таким характером трудно жить.
Искра. Мама, я только что от Прошки избавилась...
Наталья Гавриловна. Ухожу. Занимайся... (Ушла.)

В столовую вошел Егор.

Егор. Ты не видела, где мои плавки?
Искра. В ванной, наверное.
Егор. Я смотрел, там нет. Завтра бассейн.

Искра. Поищу потом.
Егор. Найдешь – сунь прямо в портфель.
Искра. Хорошо.
Егор ушел. Шум в передней.
Наталья Гавриловна (вбегая). Искра, отец с каким-то иностранцем. Убери все, пожалуйста.
Искра. Опять! (Убирает со стола письма.)
Наталья Гавриловна (в кабинете). Проша, уйди отсюда, отец с иностранцем!

Пров. В укрытие! (Скатал свою постель, подхватил, понес.) Только бы продемонстрировать не начал.
Искра. Авось пронесет...

Все скрываются. Входят Судаков, Дзире л ли и Юлия.

Судаков. Милости прошу в кабинет.
Юлия. Il signore Sudakov La prega di entrare nel suo studio.
Судаков. Прошу садиться.
Дзирелли. Grazie. (Осматриваясь.) Bellissimo! (Садится.)

Юлия. Ему нравится ваш кабинет.

Судаков. Это я понял. (К Дзирелли.) Кофе, чай, коньяк?

Дзирелли (не дожидаясь перевода). Кофе, коньяк. Судаков (зовет). Наташа!

Входит Наталья Гавриловна.

Знакомьтесь, моя жена Наталья Судакова, бывший боец Советской Армии, медсестра. Там мы и встретились. Теперь она у нас главный каптенармус дома.

Юлия. Signora Natalia Sudakova. Ha partecipata alia Grande Guerra Patriottica. Loro si sono stati conosciuti durante la guerra.

Дзирелли встал, поздоровался с Натальей Гавриловной.

(Наталье Гавриловне). Господин Дзирелли попросил разрешения побывать у вас дома. Он здесь по служебным делам и все время в учреждениях. Ему хотелось посмотреть быт русской семьи.

Судаков (смеясь). Ну что ж, пусть посмотрит, как живут простые советские люди. Извинитесь, Юлия, за наш маленький беспорядок. Наташа, сделай нам кофе.

Наталья Гавриловна ушла. Судаков достал из маленького бара бутылку коньяка, рюмки.

Юлия. Il signore Sudakov. La prega di scusargli se il suo appartamento `e un po' in disordine.

Дзирелли. No, tutto e bellissimo. Il disordine significa che in casa ci sono non soltanto gli oggetti ma esistono anche gli esseri umani.

Юлия. Он говорит, беспорядок – это хорошо, чувствуется, что здесь живут люди, а не вещи. (От себя.) Он что-то сострил, я не очень поняла.

Судаков. Это не важно. (К Дзирелли.) Разрешите вас познакомить: члены моей семьи. (Зовет.) Георгий, Искра, Пров!

Все постепенно появляются.

Мой сын, ученик девятого класса английской спецшколы. Как и прочие современные подростки, крайне самоуверен и думает, что знает о жизни гораздо больше, чем все остальные.

Юлия. Il figlio del signore Sudakov – Prov – studia nella scuola inglese. Il signore Sudakov scherza che suo figlio e molti altri giovani credono di conoscere la vita meglio degli adulti.

Дзирелли. I giovani sanno molto meno di noi ma intuiscono meglio e pi`u giustamente.

Юлия. Господин Дзирелли говорит, что молодежь всегда знает меньше взрослых, но интуитивно чувствует жизнь правильнее.

Судаков. Не знаю, Юлия, как вы это переведете, но скажите ему, что это еще бабушка надвое сказала...

Юлия. Il signore Sudakov non `e molto d'accordo con Lei.

Судаков. Моя дочь Искра. Когда она родилась, я ей дал это очень революционное имя, но она оказалась девочкой тихой, и я хочу переименовать ее в Акулину. (Сам засмеялся.)

Юлия. Iskra. La figlia del signore. Игра слов, Степан Алексеевич, к сожалению, непереводаемая.

Судаков. Шут с ней!.. Ее муж Ясюнин Георгий, по-русски Егор, сын рязанского мужика-колхозника, теперь работает в нашем учреждении. Думаю, не ошибусь, если скажу: человек незаурядных способностей. Люблю как сына. Впрочем, сына иногда не люблю: дерзит... Вот и все мое небольшое, но и не маленькое семейство.

Юлия. Il marito della figlia lavora insieme con lui. Il signore Sudakov lo stima molto.

Дзирелли. Molto lieto.

Наталья Гавриловна (которая принесла кофе, разливает его по чашкам). А у вас есть дети, господин Дзирелли?

Юлия. Signora domanda se Lei ha dei figli?

Дзирелли. Ne ho nove.

Юлия. Да, он говорит, у него девять детей.

Общее удивление, восхищение.

Судаков. Квартира у нас просторная, шесть комнат.

Пров. А сколько у вас комнат, господин Дзирелли? Юлия. Il figlio di Sudakov domanda quante camere ha il Suo appartamento?

Дзирелли. Dove?

Юлия. Nell'appartamento della Sua casa. Дзирелли. Quale casa?

Юлия. Dove Lei abita.

Дзирелли. Non me lo ricordo. Non ho mai contato. I'ho case, una a Siena, due a Milano e in Cortina d'Ampezzo. Non prendo in considerazione il mio ufficio a Roma. Юлия. Он не помнит.

Общее недоумение.

У господина Дзирелли один дом в Сиене, два в Милане, вилла в Кортина д'Ампеццо и деловая контора в Риме. Он не может вспомнить, сколько там комнат, никогда их не считал.

Судаков (всем). Господин Дзирелли очень богат, он живет не так, как живут простые итальянцы.

Юлия. Il signore Sudakov dice che molti italiani sono poveri.

Дзирелли. Abbiamo molta gente che sta male. Come da voi anche da noi non c'è uguaglianza.

Юлия. Господин Дзирелли говорит, что у них очень много бедных и совсем нет равенства.

Наталья Гавриловна разлила кофе. Видно, что для нее это привычный ритуал.

Дзирелли. Il signore `e religioso?

Юлия. Господин Дзирелли спрашивает: у вас много икон, вы религиозны?

Судаков (смеясь). Нет, я атеист.

Юлия. Il signore `e ateo.

Дзирелли. Ma esiste nella famiglia almeno uno che crede? Chi è tra di loro credente?

Юлия (переводя). Кто-нибудь в семье верующий?

Судаков. Нет-нет, у нас свобода религии, но ни я, ни моя жена, ни дети не религиозны.

Юлия. Nella famiglia del signor Sudakov non ci sono credenti.

Дзирелли. Anche l'Italia pian-piano diventa un paese ateo. Forse sono cattivo, ma sono cattolico.

Юлия. У них тоже все больше становится безбожников, но лично он верит в Бога.

Судаков. Скажите, что мы уважаем чужие взгляды и верования. (Показав на иконы.) Это небольшая коллекция древних икон.

Юлия. `E la collezione del signore.

Дзирелли. `E una ricca collezione. Le icone sono molto preziose, costano molto caro.

Юлия. Он говорит, что они дорого стоят.

Судаков. Мы ценим их как художественные изделия древних мастеров.

Юлия. Al signore, gli piace molto raccoglierle come un'opera d'arte.

Дзирелли. Tutto il mondo sa che voi sovietici siete materialisti soltanto dal punto di vista filosofico, ma nella vita, no. `E una bellissima collezione. Va bene...

Юлия. Он говорит, что знает, что вы материалисты в философии, но не материалисты в жизни.

Судаков. Не смею возражать.

Дзирелли. Da voi in Russia esiste anche la povera gente?

Юлия. Ему очень нравится у вас в стране, и он спрашивает: у вас совсем нет бедных?

Судаков. Нет, бедных у нас нет, хотя не все живут одинаково. Принцип распределения материальных благ: от каждого по способности, каждому по его труду.

Юлия. Pressappoco da noi tutti stanno egualmente. Secondo il nostro principio e da ciascuno secondo le sue capacita e per ciascuno secondo il suo lavoro.

Дзирелли. Per cio tutti lavorano con piacere. Il lavoro e molto onorato. (Кивает головой.)

Юлия. Он говорит, поэтому труд у вас в таком почете и все очень любят трудиться.

Судаков. Следующий этап будет выше: от каждого по его способности, каждому по его потребностям.

Юлия (нехотя). Il signore dice che tra un po'di tempo da noi tutti avranno secondo la loro capacita e secondo il loro bisogno.

Дзирелли. `E una cosa terribile.

Юлия. Он спрашивает: вы не боитесь?

Судаков. Чего?

Юлия. Il signore Sudakov domanda di che cosa Lei ha paura?

Дзирелли. Secondo la loro indole, gli esseri umani sono pigri e feroci.

Юлия. Человек по природе ленивое и хищное животное.

Судаков. Мы придерживаемся иной точки зрения.

Юлия. Noi abbiamo un altro punto di vista.

Дзирелли. `E molto poetico! Tanti auguri. Rousseau sosteneva che l'uomo nasce pulito come un pezzettino di carta sulla quale e possibile scriver tutto.

Юлия. Это очень возвышенно, и он желает вам удачи. (От себя.) Он сейчас начнет нести сплошную чепуху. Советую перевести разговор на другую тему.

Судаков. Спросите, как ему понравилась Москва.

Дзирелли. Ma tutta la storia del genere umano e il contrario di questa concezione. L'inizio divino e diabolico esiste sempre in contrasto nella natura.

Юлия. Un momento, signor Zirelli. Le e piaciuta Mosca?

Дзирелли. Molto. Il Cremlino, Rublev, panteon, balletto, Taganca, Mosca e una citta molto pulita.

Юлия. Очень понравилась. Кремль, Андроньевский монастырь, Пантеон – он подразумевает, очевидно, Новодевичье кладбище, Большой балет, Театр на Таганке, Москва очень-очень чистый город.

Судаков. Может быть, господину Дзирелли будет неприятно, но я бывал в Риме и удивлен, что в таком великом и прекрасном городе столько мусора на улицах. Горожане бросают на тротуар окурки, бумажные стаканчики из-под воды и мороженого, пустые пачки сигарет, даже целые газеты.

Юлия. Il signore Sudakov visito Italia e dice che e rimasto stupito per tanta sporcizia sui marciapiedi.

Дзирелли. Purtroppo e la verita. Da noi non c'e la disciplina.

Юлия. Он с вами соглашается и говорит, что это оттого, что у них нет дисциплины. (От себя.) Закругляйте его, Степан Алексеевич. Он двужильный. Вы, я вижу, устали, и у меня язык уже не ворочается, я с ним с утра мотаюсь.

Судаков. Разрешите вам подарить на память маленький сувенир.

Юлия. Il signore Sudakov desidera di regalarle un souvenir.

Дзирелли (после перевода Юлии, по-русски). Матрешка? Матрешка?

Судаков. Нет, не матрешка, но тоже наше исконно русское. Наташа, у нас, по-моему, где-то есть лишний самовар. Подарим его господину Дзирелли.

Наталья Гавриловна достает стоящий наготове самовар, передает его мужу. Тот преподносит его Дзирелли.

Дзирелли. Grazie, grazie. Anch'io voglio fare un regalo al signore Sudakov. Il simbolo di Siena. Io sono nato lì.

Юлия. Он вам тоже хочет что-то преподнести.

Дзирелли роется в карманах, достает значок и передает Судакову.

Он вам дарит значок его родного города Сиены. Судаков. Грация, грация.

Дзирелли говорит что-то на ухо Юлии.

Юлия. Господин Дзирелли просит его извинить, но он хочет пройти в туалет.

Судаков. О, пожалуйста, пожалуйста. Егор, проводи господина Дзирелли.

Егор и Дзирелли уходят. Юлия в продолжение следующего разговора спокойно пьет кофе и ест печенье.

Искра. Ну, представление окончено?

Судаков. Не будь душой.

Пров. Зачем ты ему подарил самовар? Он что, сегодня именинник?

Судаков. А затем, что пусть знает наших. Мы не они, копеечники! (Со злостью швырнул на стол значок.) Пров. Но это нехорошо.

Судаков. Почему это?

Пров. По-моему, даже глупо и противно.

Судаков. Объясни мне, темному: тебе что, самовара жалко?

Пров. Плевал я на твой самовар. Неужели ты не чувствуешь, что в этом есть что-то подхалимское.

Судаков. А это уж не тебе, умнику, судить. Я уж как-нибудь лучше твоего знаю, как с ними обращаться. Не учи ученого. Скажи лучше, как у тебя в школе.

Пров. Отлично.

Судаков (передразнивает). «Отлично»! Мать вчера показывала твой дневник. Ты колченогий, что ли?

Пров. А что? Все в порядке.

Судаков. Три, два, пять... два, четыре, три, два, три.

Пров. Неужели ты всю эту муть всерьез принимаешь?

Судаков. Не всерьез, а все-таки.

Пров. К концу года причешу.

Судаков. В аттестат дрянной балл влепят – забегаешь.

Пров. А чего мне бегать? Это тебе бегать. Будешь выполнять свой родительский долг.

Судаков. И не стыдно?

Пров. Стыдно было в ваше время. Мы приучены.

Судаков. Кем же это? Любопытно.

Пров. Вы же и приучили.

Судаков. Но ты должен понять: легче устроить человека, у которого приличная фотография. МИМО – это тебе не педагогический, не автотранспортный. Туда таких, как ты, знаешь сколько толкают!

Пров. Зачем в МИМО? Тебе хочется, чтобы у тебя сын был персона?

Судаков. Да, хочется.

Пров. Так это тебе хочется, не мне. Не должен же я реализовать твои детские желания, у меня свои есть.

Судаков. Куда же ты наострил?

Пров. Реально – не определил. Возможно, на философский.

Судаков. Ишь ты!.. Твое дело. Иди хоть в ассенизаторы.

Пров. А что! Они, наверное, неплохо зарабатывают.

Наталья Гавриловна. Степа, ты ужинать будешь?

Судаков. Какой ужин! У меня и без ужина брюхо лопнет.

Возвращаются Дзирелли и Егор. Все прощаются с Дзирелли и Юлией.

Дзирелли. *La ringrazio molto. Sono molto commosso. Non voglio piu darle fastidio. Bellissime icone... Bellissime icone...*

Юлия (вяло, монотонно). Он благодарит вас за радушный прием. Очарован вашими детьми, женой, обстановкой. (Забирает самовар и уходит вместе с Дзирелли.)

Судаков. Ух, устал... Егор, дай тапочки.

Все, кроме Прова, расходятся.

Пров. Папа, ты достал в вашей аптеке лекарство?

Судаков. Какое еще лекарство?

Пров. Сердечное. Помнишь, я тебя просил, рецепт дал?

Судаков. Когда?

Пров. Уж больше недели прошло.

Судаков. Не загружайте меня всякой ерундой! И так от меня дым идет... Забыл. Напомни завтра, возьму.

Пров. Ты хоть завяжи узелок на галстук.

Судаков. Вот ты добрый, отзывчивый. Только чужими руками.

Пров. Егор уже просвещал: надо учиться отказывать.

Егор вносит тапочки, бросает к ногам Судакова.

Судаков. Спасибо, Егор! (Переобувается. Сыну.) Нельзя быть таким раздрызганным. Вон спроси Егора, почему ему каждый день жизни доставался. А он как проклятый через все ломил. Зато школа – золотая медаль. Институт – диплом с отличием. Кандидатская – ни одного черного шарика. В Историко-архивном уже лекции читает. Он и доктора получит, и профессора, и академика. Да-да, потому что ломит как проклятый. А ты?

Пров. Я, видимо, еще не проклятый.

Судаков. Все хаханьки...

Пров. От отчаяния. Слабая защитная реакция. Я понял, делать жизнь с кого – с Егора твоего.

Судаков. Ну, выставляйся, выставляйся. Язык у всех у вас – как у фокусников, а человека, милый мой, судят по поступкам, а не по болтовне.

Пров. Как! Я макулатуру со второго класса таскал, по домам побирался, металлолом на горбу возил, на субботниках вкалывал!

Егор. Он не виноват, Степан Алексеевич. Бытие определяет. А какое у него бытие? Рай. И мышление у него райское.

Судаков. Да, в этой жирной жизни есть что-то опасное. Расслабляет, топит. (Снял пиджак.) Садись, Егор, новостей куча.

Егор. И у меня кое-что есть.

Входит Наталья Гавриловна, убирает посуду.

Судаков. Ты слышал, какая история у Хабалкина?

Егор. Нет. Меня к двум вызвали в главк, потом просидел в Библиотеке иностранной литературы.

Судаков. Страх сказать: сын удавился.

Наталья Гавриловна. Какой ужас!

Егор. У-тю-тю-тю-тю... Вот уж беда так беда... Его же только что хотели на место Костоглотова.

Наталья Гавриловна. Кого?

Судаков. Не сына же, конечно.

Егор. Ну все, теперь Андрей Никанорович горит!

Судаков. Хороший мужик, жаль.

Наталья Гавриловна. Почему? Что случилось?

Егор. А потому, Наталья Гавриловна, что у нас так устроено: не сумел собственным сыном управлять, какой же ты начальник. Под тобой же люди.

Наталья Гавриловна. Глупо!

Судаков. Не глупо, милая. А чтоб была мораль.

Наталья Гавриловна. Я не об этом спросила. Почему мальчик над собой такое сделал?

Судаков. Говорят, обычное: какая-то девчонка не полюбила.

Егор. Не может быть. В наше время из-за барышни!.. Это надо быть каким-то недоделанным. Нет-нет, что-нибудь другое, они теперь какие-то с вывертами.

Судаков. Вот уж действительно не ждешь, откуда грянет. (Сыну.) Вы в одном классе, кажется?

Пров. Да.

Судаков (Прову). Что же ты не говорил?

Пров. Чего?

Егор. Про это.

Пров. А зачем? В порядке любопытной информации?

Судаков. Что там, не слышал?

Пров. Я не знаю.

Судаков. Теперь в школу таскать будут. Вот тебе наука, Пров. И парня нет. Какой-никакой, а человек был. И отцу ноги переломаны. (Егору.) Может, и на пенсию выведут?

Егор. Всего вероятнее.

Наталья Гавриловна (сыну). Пойди, в конце концов, поужинай, и Искра еще не ела. (Погладила сына по голове и вместе с ним ушла.)

Егор. Шуму у нас много?

Судаков. Не без этого.

Егор. Сейчас передвижка будет. Кого же теперь на место Хабалкина?

Судаков. Сазонтьева, может быть?

Егор. Нет, Сазонтьев неудачно конференцию провел. Там – морщились. Степан Алексеевич, а может, вас? А?

Судаков. Что ты!

Егор. Вас. Точно. Вас любят. У вас и опыт и натура подходит – широкая, чисто русская, радостная. О вас всегда хорошо говорят. Всегда.

Судаков. Брось ты, брось... Нос у меня не дорос.

Егор. Слушайте, я эту идейку завтра же в ход пущу. За вас многие будут. Ваш оптимизм...

Судаков. Перестань, говорю. У меня уже возраст.

Егор. Какой возраст, какой? Шестьдесят два! Нет, лучше вашей кандидатуры не найдут, хоть все отделы перешарь.

Судаков. Со стороны могут взять.

Егор. Со стороны не будут: слишком долгая перетряска.

Судаков. Боюсь, не справлюсь. Уставать стал. Почему так устроено: когда возможности появляются, уже пользуешься ими чуть не через силу, а когда силы были, возможностей не было. Глупо природа организовала. Конечно, напоследок еще бы слегка приподняться.

Егор. Я позондирую...

Судаков. Похороны завтра, надо пойти. Жаль Андрея Никаноровича.

Егор. Конечно. Но, может быть, и не обязательно идти.

Судаков. Неудобно. Коллега, лет десять рядом.

Егор. Но не друг детства. Я бы на вашем месте избежал.

Судаков. Думаешь?

Егор. Пусть Наталья Гавриловна сходит. Это и прилично, и...

Судаков. Считаешь?

Егор. Безусловно. Да и Пров, наверное, проводит товарища.

Судаков. Голова у тебя!

Егор. Какая там голова... Я к вам за советом.

Судаков. Выкладывай.

Егор. Какой-то гадкий слушок возник: будто Коромыслов меня к себе забрать хочет.

Судаков. Быть не может!

Егор. Я сам ахнул.

Судаков. Так ты откажись наотрез.

Егор. Конечно. Но если приказным порядком? Вот чего боюсь.

Судаков. Ой-ой-ой... Я без тебя просто уже не могу.

Егор. А я? Я же с вами как за каменной...

Судаков. Конечно, против Коромыслова не попрешь.

Егор. Посоветуйте, как вывернуться, если...

Судаков. Ой-ой-ой... (Задумался.) В общем-то лестно! Коромыслов заметил, к себе берет. Это, Егор, большое движение. Нет, ты не расстраивайся. Тут, брат, наоборот. Слушай! А вдруг тебя на место Хабалкина?

Егор. Да что вы! Мне же всего двадцать девять.

Судаков. Именно. Сейчас порядочную молодежь ищут. У нас в батарее комбату двадцать два было.

Егор. Нет-нет. На это место вы в самую точку.

Судаков. Ты молод, тебе вперед идти. Это я так сначала, из эгоистических чувств. Я не о себе, о тебе должен думать, о деле. Я уже под гору, а тебе в гору.

Егор. Замечательный вы человек, Степан Алексеевич.

Судаков. Я прост. Вот и все мои достоинства.

Егор. В наше время это качество, может быть, самое ценное. А то говоришь с человеком и понять не можешь, что он в это время думает, как внутри себя на твои слова реагирует.

Судаков. Да, развелась такая порода... Погоди! Так ты, может быть, с ним и во Францию покатишь?

Егор. Так ведь всего-навсего слух.

Судаков. Раз слух пошел, значит, где-то думают... Искра, стало быть, тоже с тобой укатит. Без жены нельзя, и ей полезно. Авось оживится. Какая-то она последнее время квелая, ты извини меня, на монашку смахивает.

Егор. Думаю, работа влияет. Разгребает весь этот мусор...

Судаков. Нет-нет, работа нужная. Знаешь, сколько еще везде всякой сволочи понатыкано... Защищать людей надо.

Егор. Это, конечно, дело святое, но, видимо, не по ней. И переживает она очень.
Судаков. Да, по нашим временам странная... Я-то, грешник, тоже внука или внучку не против, приятные они, каналы. Вчера к Рябинину на работу пацан пришел, внук. Уже в пятом классе в рисовальной школе... Ну ладно, дело сделано. Твое дело.

Егор. Внук будет, Степан Алексеевич, если не сейчас, то через пару лет, обещаю. (Смеется.)

Судаков. Ей-то уж двадцать восемь стукнуло.

Егор. Не прозеваем. Я сам хочу. Но все терпеть приходится. Вертишься, вертишься...

Судаков. Не жалуйся, Егор. Темп жизни сейчас хороший взяли.

Искра (входя). У меня, папа, к тебе просьба.

Судаков. Дома-то можно поцадить?

Искра. Несложная. Ты Волчкова знаешь?

Судаков. Какого еще Волчкова?

Искра. Он в вашем ведомстве работает счетоводом.

Судаков. Ты меня сметишь. Ну откуда я могу знать наших счетоводов, откуда? Что я, по канцеляриям, по бухгалтериям бегаю?

Искра. Может быть, именно он тебе зарплату начисляет.

Судаков. Искра, ты глупа до невозможности. Зарплату мне государство платит, а не счетовод. Не надо мне тыкать в нос моим высокомерием, проще меня поди поищи. Что тебе этот Сверчков сказал?

Искра. Ничего не говорил, я в глаза его не видела. Он письмо в газету прислал.

Егор. Вот она – всеобщая поголовная грамотность!

Искра. Ему полагался ордер на квартиру. Уже выписали, он вещи упаковывал, а в последний момент совершенно несправедливо ордер передали другому, по фамилии Копытко. И все зависит от какого-то Дударева.

Судаков. Ох, этот Копытко! Больно ведет себя прытко.

Егор. Я краем уха слышал это дело, Степан Алексеевич. Понимаете, Копытко... да, излишне суетлив, но человек дельный, необходимый.

Искра. Кому полагается ордер – Копытко или Волчкову?

Егор. Понимаешь, Искра, дом наш ведомственный, и в первую очередь поощряют наиболее нужных, перспективных, создают им условия.

Искра (перебивает). Волчков пишет: у него жена рентгенолог, четверо детей, старуха мать восьмидесяти лет...

Судаков. Тихо-тихо-тихо! (Снял телефонную трубку, набрал номер.)

Здравствуйте! Попрошу Дударева Николая Кузьмича... Здравствуй, Микола, извини, что беспокою... Да, я, Судаков. Слушай, там у какого-то нашего... (Искре.) Как его фамилия?

Искра. Волчков.

Судаков. У Волčkова ордер на квартиру этот жук Копытко из-под носа выхватил. Разберись, пожалуйста, некрасиво получается... Ну притормози пока... Ну спасибо... Что?.. Ага, постараюсь... Думаю, удастся, загляни через пару дней... Не могу говорить, у меня тут деловой разговор. Будь здоров! (Положил трубку, снова снял ее и набрал номер.) Алло! Ковшов, это ты?.. Привет, Иван Францевич, это я, Судаков... Конечно, узнал. С твоим басом был бы ты раньше протодьяконом в соборе... Нет ли у вас там заваливающей путевки в Карловы Вары?.. Ты пошарь, может, кто отказался или уже помер, узнай... На этот или на тот месяц.

Постарайся, нужный человек... Ну, благодарю заранее. Что?.. А?.. Попытаюсь... Как-нибудь пихнем... Звони в конце недели... А?.. Говорят, сырая гречневая крупа помогает... Мелко-мелко жевать и глотать... Пока! (Положил трубку.) Ну их всех к черту! (Искре.) Вот тебе легко просить за Волčkова, Сверčkова, Пучкова, а я теперь Ковшову должен куда-то его поганого племянника устраивать.

Племяннику этому только в грузчики, а в грузчики он не хочет, он хочет в аспирантуру. А Дудареву Николаю Кузьмичу ни больше ни меньше, как в Карловы Вары с женой приспичило, у них пищеварение не то, что надобно, чтобы в три горла жрать... Все!.. Не могу, опротивело... Ты вот скажи мне, Егор, что это происходит? Что это за вторая сигнальная система образовалась? Ты мне – доски, я тебе – гвозди, ты мне – кооперативный пай, я тебе – «Жигули» без очереди. Ты мне... И не то чтоб в серьезных делах, до мелочей дошло, до бесстыдства. Ты представляешь, звоню я нашему завхозу, говорю: «Ковер в кабинете смени, протерся, плешь посередине, стыдно перед гостями». А он мне: «Степан Алексеевич, нельзя ли мне по совместительству складским сторожем числиться на полставке?» Я его по-солдатски так шуганул, век помнить будет. И что замечательно? Ковра он мне так и не заменяет, собака. Секретарше сказал: «Срок не вышел, по закону нельзя». А?.. А дай я ему эти полставки, так можно будет, и именно по закону. Хоть все ковры переменит. И самое-то гнусное – я незаметно этим блатмейстерством сам испоганился. (Дочери.) Ну иди. Да, погоди, слушай. Тебе, кажется, Франция маячит.

Искра. Ни в какую Францию я не поеду.

Судаков (зло). Куда же ты поедешь? В Чухлому, в Крыжополь?

Искра. Наверно, в Кимры поеду.

Судаков. Слушайте, дорогие мои, что вам надо, чего не хватает?! У вас уже не двадцать одно, у вас уже двадцать два. Недопеченные вы, что ли!.. Ладно, иди, побалакаем.

Искра ушла.

Все люди, понимаешь, на работе работают, а дома отдыхают, а у меня наоборот... Ты знаешь, Егор, я ничего не понимаю... Уж какие я им условия создал... Другие на их месте с утра до вечера танцевали бы. Они просто обязаны быть счастливыми... У тебя, поди, какая бабенка на стороне есть, а?

Егор. Что вы, Степан Алексеевич.

Судаков. Болтают. Наша-то деловая, поди, тебе в тягость.

Егор. Почему? Я ее люблю.

Судаков. Ой, не надо, Егор. Таким тоном эти слова не произносят.

Егор. Вы для меня в жизни столько сделали...

Судаков. Это, Егор, уже сопли... Делал, потому что видел в тебе человека стоящего, нужного делу. Чем-то ты мне первого сына напоминаешь. Внешне, конечно. Кирилл-то бесшабашный был, ухарь, потому и летчиком-испытателем сделался... Ты с годами, может, самого Коромыслова заменишь, а вполне возможно, и даже наверняка, выше пойдешь. Меня, может, и на свете не будет, но дом наш, думаю, всегда помнить будешь. Ведь я на тебя, как на творение своих рук, люблюсь, горжусь тобой! (Смеется.) Каким тебя сюда Искра привела, а? Еле ступал. Все: «Разрешите мне ваши книжечки посмотреть», «Может, я вам в магазинчик сбегая», «Супчик я сам разогрею, не беспокойтесь»...

Оба смеются. Звонок в дверь... Пров идет открывать и возвращается в столовую.

Пров. Папа, по твою душу... Я забыл сказать, звонила какая-то твоя старая знакомая Валентина, не помню отчества. По-моему, это она.

Судаков. А фамилия?

Пров. Понятия не имею.

Судаков. О Господи, опять чего-нибудь надо.

Егор. Скажи, дома нет.

Пров пошел к двери.

Судаков. Погоди... Ну пришла, так уж пускай, неудобно. Зови, леший с ней.

Пров вышел.

Егор. Ваше поколение, Степан Алексеевич, еще обременено условностями.

Судаков. Ты о чем?

Егор. Я вот прихожу к выводу: только абсолютное отсутствие условностей может сделать личность выдающейся.

Судаков. Но отказать-то я ей не могу, раз уж пришла. Совести-то хоть на три копейки у меня еще осталось.

Егор. Я не о вас, я теоретически.

Судаков. Ну, милый, а я вот убеждаюсь, что всякие теории – одно, а практика, жизнь то есть, – очень часто совсем другое. И, кстати сказать, настоящее.

Егор. Нет, вы на место Хабалкина в самый раз! Полемист.

Входят Пров и Валентина Дмитриевна. Сразу видно, что она не москвичка. Одновременно входит и Наталья Гавриловна.

Валентина Дмитриевна. Здравствуйте!

Все отвечают.

(Всматриваясь в Судакова.) Это вы?

Судаков. Кто – я?

Валентина Дмитриевна. Судаков Степан Алексеевич?

Судаков. Действительно.

Егор. Простите, вы кто будете?

Валентина Дмитриевна (Судакову). Я Валя Шатилова. Не вспоминаете? Мы в школе вместе учились, в одном классе.

Судаков. Валя?.. Шатилова?..

Валентина Дмитриевна. Проша Кисельников еще ваш первый друг был.

Судаков. Прошку помню. Убило его.

Валентина Дмитриевна. Я знаю... (Горько.) Значит, ничего от меня не осталось. Это не важно... Извините меня, я на пять минут. Я бы ни за что, ни за что не пошла, но вот уже два дня звоню вам на работу, а там отвечают: «Уехал на совещание», «Только что вышел. Позвоните через тридцать минут». Ну, я знаю, вы очень заняты... Уж до чего дошла – узнала ваш домашний телефон. Понимаю, что бессовестно...

Судаков (вдруг). Валя!.. Валя!..

Валентина Дмитриевна. «Валя, Валентина, что с тобой теперь?» Помните, вы мне часто эту строчку из Багрицкого говорили? Все-то стихотворение вы тогда не знали.

Судаков. Что же ты стоишь, Валя? Садись!

Валентина Дмитриевна (садясь). Я на пять минут, я не задержу. Сюда шесть раз звонила. Отвечали: будет поздно. Я и решилась. (Вдруг глаза ее заморгали, щеки затряслись, и она неожиданно для самой себя расплакалась.) Извините... Я в Москве уже третьи сутки.

Наталья Гавриловна. Может быть, чаю выпьете?

Валентина Дмитриевна. Нет-нет, что вы! Я где-то что-то перехватила, не беспокойтесь.

Наталья Гавриловна. Вы где остановились?

Валентина Дмитриевна. Я?.. Я... у подруги, даже можно сказать, у родственницы. (Вытирая слезы.) Пожалуйста, извините меня...

Наталья Гавриловна вышла.

Я с просьбой, Степа. Степан Алексеевич, с огромной просьбой.

Судаков. Нет уж, давай – Степан, без всяких Алексеевичей.

Валентина Дмитриевна. Спасибо. Как-то неловко... такой человек... Я бы никогда, никогда не воспользовалась знакомством с тобой, поверь мне, я очень самолюбивая.

Судаков. Что у тебя?

Валентина Дмитриевна. Беда, настоящая беда... Видишь ли, у меня трое детей... и все отлично... Все мальчики. Один – механизатор. И очень ценят. Премии, награды. Там у меня уж внук и внучка. Другой пошел по партийной линии, хотя кончил индустриальный. А младший – просто не поймешь в кого. И тоже все хорошо было, ровно... ленинский стипендиат. Он не с нами, он в Томске в институте. Но это же недалеко, рядом. И зачем-то понадобилось ему в Польшу ехать на пятом-то курсе. В каникулы, конечно, в зимние, в эти... Я точно чувствовала. Но деньги на путевку собрали. Группой они... Ради Бога, прости, я все слова, что тебе сказать хотела, наизусть выучила, а сейчас путаюсь.

Судаков. Ничего, ничего...

Наталья Гавриловна (принесла чай, еду). Присаживайтесь.

Валентина Дмитриевна (почти механически пересела к столу и, рассказывая, тоже механически с жадностью ест, будто вот-вот отойдет поезд). Ну, думаю, пусть едет. Да и муж, отец Дмитрия, говорит: «Пускай посмотрит, дружеская страна, не страшно». А то взрывы, угоны, провокации. В Америку или там в Англию, не приведи Бог, я бы ни за что не пустила. Ну поехал он. Писем, конечно, никаких, да я и знала: две недели всего, даже двенадцать дней. Возвращается цел-невредим, но, знаете, другой, совсем другой. Всегда веселый, даже, я бы сказала, задорный, все шутки, розыгрыши, танцы, вроде тебя, Степа, помнишь? (Всем.) Ой, какой он заводила был, мы его нарочно старостой выбирали, всех покрывал... Что такое? Молчит. Это он-то молчит! А потом специально приехал к нам с отцом, все рассказал... Группой они поехали. И я тебе по секрету скажу: руководитель их, тоже молодой человек, велел от группы не отрываться, возвращаться вовремя, ну на всякий случай все-таки. Это правильно. А он там... даже сказать страшно... но ты должен знать все, все. И я его не защищаю, нет, поступил он ужасно. Короче говоря, познакомился с какой-то польской девушкой. То, се, она как раз русский язык изучала. Ну, молодость, сам знаешь. Помнишь? Ты ведь тоже сумасшедший был. (Наталье Гавриловне.) Между прочим, ваш Степа – моя первая любовь, первый поцелуй. Нет-нет, так, легкий, не любовь, предвестие. (Степану Алексеевичу.) Ты помнишь, нет?

Судаков. Что-то такое... вроде...

Валентина Дмитриевна. Все равно... Дима увлекся и забыл, все забыл, даже инструкцию руководителя. Она его к ним в дом пригласила, а это километров пятьдесят от Кракова. Они Краков осматривали два дня. Вечер, поздно, уже ночь наступает, вся группа в сборе, а Димки нет. Ты представляешь? Руководитель с ума сходит, сам не знает, что делать, а Димочка мой является на следующее утро. А?.. Я тебе чем угодно клянусь, Степа, Дима парень отличный, выдержанный, сознательный, конечно, комсомолец, общественник, а по этой части... По-моему, ему жениться пора... А теперь вот уже о самом ужасе... Написали ему характеристику о его проступке, прислали в институт, и Диму не допускают к защите диплома. Я – туда, я – сюда. «Нет» не говорят, но и «да» не произносят. Сказали: пусть защищает на следующий год. Зачем? А если и на будущий год не разрешат? Ты знаешь, меня уже и не диплом страшит, а сам Дима. Другой, совсем другой. Молодые ведь, знаешь, странные. Мрачный, колкости говорит. Даже, знаешь, злые колкости. Они, знаешь, свои личные обиды моментально на всю жизнь переносят, и уже вся наша замечательная действительность им в каком-то искривленном зеркале представляется. Степан, скажи, он действительно совершил преступление? Я, конечно, не прошу тебя нарушать закон, я бы никогда не посмела, пусть несет наказание. Степа, он совершил что-то ужасное?

Егор. Проступок, конечно, есть.

Пров. Пусть ваш сын напишет в газету.

Валентина Дмитриевна. В какую газету? Зачем?.. Это нельзя. Нельзя.

Судаков. Я сделаю, Валя.

Валентина Дмитриевна. Что?

Судаков. Я все сделаю, Валя. Твой Дима будет защищать диплом.

Валентина Дмитриевна. Степа! (Вдруг упала перед Степаном Алексеевичем на колени.)

Судаков (вскочил). Встань, Валя, немедленно встань, с ума сошла!

Валентина Дмитриевна. Прости меня, прости...

Судаков. Ты поезжай домой завтра же. Все уладится. У тебя есть деньги на билет?

Валентина Дмитриевна. Конечно. Парфен очень хорошо зарабатывает.

Судаков. Оставь свой адрес, фамилию ректора и, если знаешь, фамилию руководителя группы, которая в Польшу ездила, и когда, какого числа.

Валентина Дмитриевна (достаёт из сумки бумаги). У меня здесь все приготовлено. (Тихо.) Там в характеристике написано... Я сама не видела, конечно, но мне под большим секретом передали... будто Дима хотел бежать в Болгарию. Когда я об этом Диме сказала, он долго и странно на меня смотрел, потом пошел на кухню, открыл холодильник, достал пол-литра водки... Судаков. Я все сделаю, Валя.

Валентина Дмитриевна. Я хотела отнять, но он прямо из горлышка... (Закрыла лицо руками.)

Наталья Гавриловна. Валентина Дмитриевна, может быть, останетесь у нас ночевать?

Валентина Дмитриевна. Что вы, что вы!.. Степа, я и так всегда тебя помнила. Но если ты добьешься, чтобы Диме дали защитить диплом, я готова пойти в церковь, поставить за тебя свечку, чтобы тебе и твоим близким всегда, вечно было хорошо. Самое главное, чтобы Дима знал: есть справедливость. До свидания.

Все прощаются.

Да, забыла. Я привезла тебе на память нашу фотографию. (Достаёт.) Вот... Это мы все на лесозаготовках. Смешные. В тридцатых годах снимались. Хорошее было время, верно? До свидания.

Судаков. До свидания, Валя.

Валентина Дмитриевна уходит. Все стоят, молча рассматривают фотографию.

Пров (в стороне, тихо).

Валя, Валентина, Что с тобой теперь? Белая палата, Крашенная дверь. Тоньше паутины Из-под кожи щек Глеет скарлатины Смертный огонек...

(Подошел ко всем и тоже рассматривает фотографию.) Папа, а где ты?

Судаков. Вот. (Показывает пальцем.)

Пров. Какая у тебя, папа, потрясающая улыбка была.

Наталья Гавриловна. Завтра же. Не забудь. Судаков. Какой-то перестраховщик, сукин сын, от усердия напортачил. Ну, мелкая душонка, ну, тварь! Позвоню Опалихину, он распутает. Кстати, Опалихин как раз у меня в заграничную поездку просился.

Входит Искра.

Искра. Пойду немного погуляю.

Наталья Гавриловна. Вот и умница. А ужинать?

Искра. Я поела. Прошка, иди, там все горячее.

Пров ушел.

Егор (жене). Много не ходи, лучше посиди в скверике.

Искра ушла. Ушел, видимо на свою половину, и Егор.

Судаков и Наталья Гавриловна остались одни.

Судаков. Покалякала бы ты с ней. Нельзя же так.

Наталья Гавриловна. Неужели ты думаешь, не говорила?

Судаков. Ну?

Наталья Гавриловна. У нее какая-то травма. Она сама не ожидала. Твердит – теперь у нее никогда не будет детей.

Судаков. К врачу своди, к невропатологу. У нас там, говорят, лучшие силы.

Может, к гипнотизеру.

Наталья Гавриловна. Ты заметил, она на своей половине почти не бывает, все здесь.

Судаков. Ну когда мне замечать, Наташа...

Наталья Гавриловна. Степа!

Судаков. Что?

Наталья Гавриловна. По-моему, Георгий хочет оставить Искру.

Судаков. Как – оставить? Что же он – из нашего дома уйдет?

Наталья Гавриловна. Вполне возможно.

Судаков. Глупости! Ну какие ты глупости говоришь, просто удивительно. Как это – уйдет? Во-первых, он бы мне первому об этом сказал.

Наталья Гавриловна. Не думаю.

Судаков. Уверен. А во-вторых, это чепуха, собачья чушь. Как это тебе в голову взбрело? Искра сказала?

Наталья Гавриловна. Нет. Ты же знаешь, Искра все в себе носит.

Судаков. Откуда же?

Наталья Гавриловна. Я чувствую.

Судаков. Что значит – чувствую?

Наталья Гавриловна. Чувствую – и все.

Судаков. Ну, знаешь, Наташа, с такой чувствительностью тебя хорошо бы отправить в сейсмически опасную зону – землетрясения предчувствовать. Егор никуда не уйдет, в мыслях у него этого нет. В конце концов, он из-за меня не уйдет, он привязан ко мне, любит. Не засоряйте себе голову всякими мелочами. Все люди живут крупными интересами, мир бурлит, а тут... (Махнул рукой.) Меня нет, я отдыхаю. (Поцеловал жену, пошел к двери. Остановился.) И не чувствуй ты ничего, живи ясно, Наташа, радостно. Уж как мы живем, любой позавидует.

Наталья Гавриловна. Для нее видеть Георгия – мучение.

Судаков. Извини, но это уж каприз, дикость. Другая такого мужа на выставке бы показывала за деньги. Ты знаешь, какая у него сейчас перспектива?

Наталья Гавриловна. Гора меня не беспокоит, Степа, я думаю об Искре.

Судаков. Тысячи женщин делают подобные процедуры – и хоть бы хны.

Наталья Гавриловна. Все люди разные, Степа.

Судаков. К сожалению.

Наталья Гавриловна. Поговори ты с ней.

Судаков. О чем? Ей встряска нужна, простая встряска, и все вылетит. Нет, я в это путаться не буду, не умею... Знаешь, Наташенька, давай как всегда: дом – это твое, а с меня моего вот так хватает! (Целует жену и уходит.)

Через столовую прошел в кабинет Пров, снова уселся с ногами в свое любимое кресло. Читает. Звонок. Наталья Гавриловна идет открывать. Слышен ее голос: «Проходите». В столовую входят Наталья Гавриловна и молодая, очень интересная и чрезвычайно элегантно одетая девушка. Это Ариадна Коромыслова.

Наталья Гавриловна (зовет). Георгий, к вам пришли!

Ариадна. Спасибо.

Егор (входя). А, Ариадна, здравствуйте.

Ариадна. Здравствуйте, Георгий Самсонович.

Егор (представляет). Наталья Гавриловна – мать моей жены. Ариадна – моя студентка, готовит курсовую работу...

Женщины здороваются.

Моя, так сказать, подопечная.

Ариадна. Извините, Георгий Самсонович... я прямо в дом, без звонка. Совершенно запуталась в вопросах построения финансовой системы.

Егор. Проходите сюда.

Садятся у стола. Ариадна раскрыла чемоданчик, с которым вошла, достала рукопись.

Наталья Гавриловна. Гора, может быть, вам будет удобнее на вашей половине?

Егор. Если вы не возражаете, мы побудем здесь. Это, вероятно, ненадолго.

Ариадна. Буквально пятнадцать минут.

Наталья Гавриловна. Конечно, конечно, пожалуйста. (Ушла.)

Егор. Ну что это такое, скажи! Хоть бы позвонила. Ариадна. Если бы я позвонила, ты бы сказал: нельзя.

Егор. И нельзя!

Ариадна. А мне интересно. И, кроме того, эта идиотская курсовая не лезет в голову.

Егор. Почему?

Ариадна. А потому что лезешь ты. Дай, думаю, поеду – разряжусь. И взгляну, что его там так держит. Егор. Но мы же договорились – завтра. Ариадна. Ау меня вдруг мелькнула мысль: а если сегодня я умру и завтра не будет? Как нас в школе учили? Не надо откладывать на завтра, что можно сделать сегодня.

Целуются. Послышался шорох. Может быть, звякнула посуда.

(Кинулась к рукописи.) Я хотела спросить: в восемнадцатом веке закон об имущественном цензе... (И вдруг начала тихо, но залиvisto смеяться, хохотать, как девочка, зажимая себе рот ладонью.) Я... я... не то взяла... Это папин доклад о слаборазвитых странах. (Хохочет.)

Егор. Ариадна!

Ариадна (гладит его по лицу). Миленький ты мой, ну что ты так трясешься! Пришла ученица – и все. ООглядываясь.) А что она сказала: твоя половина. Это где?

Егор. Там. (Показал.)

Ариадна. Пойдем туда.

Егор. Нет-нет, не надо.

Ариадна. Она там?

Егор. Она гулять ушла.

Ариадна. Ой, как везет! Пойдем!

Егор. Совершенно исключено.

Ариадна. Почему?.. Какое у тебя переполошенное лицо...

Егор. Милая девочка...

Ариадна. Ну ладно, ладно, хоть тут посидим. Но ты решил?

Егор. Да.

Ариадна. Твердо?

Егор. Абсолютно.

Ариадна. А эта дверь куда?

Егор. Кабинет Степана Алексеевича.

Ариадна. Там кто?

Егор. Никого там нет.

Ариадна. Пойдем туда.

Егор. Ну, милая девочка, ради Бога, уймись.

Ариадна. Что тебя тут держит, не понимаю. У нас шикарней.

Егор. Ах, Арочка, меня, разумеется, держит не мебель.

Ариадна. А что? Не усложняй ты ничего.

Егор. Сейчас не место объяснять...

Ариадна. Да брось ты – что особенного?.. Делай вид, что смотришь эту мою муть... Что тебя вяжет? Говори, Егор, или я...

Егор. Хорошо, хорошо!

Сели к столу, склонились над рукописью.

Ты не сможешь понять меня.

Ариадна. Я тупица?

Егор. Ты умница. Но ты росла в оранжерее, а я... Я до сих пор всего опасуюсь.

Ариадна. Чего?

Егор. Какому-нибудь паршивому Прошке, братику моей жены, все на блюдечке... А мне... Я все своими жилами... с детства...

Ариадна. Что – с детства?

Егор. Когда отец решил бросить свою деревню, он матери оставил сестренку, а меня зачем-то потащил с собой в Москву, устроился в общежитии, в бараке. Я все помню, уже в седьмой класс пошел. Барак – это, сама понимаешь, не Большой Кремлевский, не Версаль. Да еще у бати подобралась та компания – шабашников. В школе все о высоких материях – идеи, комсомольский энтузиазм, долг перед Родиной и прочее, а в барак вернусь, и в глаза мне такая другая академия лезет... Учился бешено. Золотая медаль мне как воздух нужна была, как жизнь, как пропуск в будущее. Что в бараке в тот день творилось, когда я эту медаль получил!..

Ариадна. Шампанское лилось рекой?

Егор. Не шампанское, разумеется, но лилась она самая, родимая, этаким бурным горным потоком. А когда в институт поступил и переехал в общежитие, мне казалось – в рай попал. Но потом смотрю: в общежитии тоже не тот дух, не то, что человеку требуется, ту же бутылку тащат. Не так, конечно, как папаша с дружками, более мелко, но тоже погановато. Вечная трепотня, какая-то разъедающая, прямо скажу, сомнительного толку. Дурачки! Похабные анекдоты и поразительная беспечность. Тут как раз отец умер, я сел на одну стипендию, а в гуманитарных, сама знаешь, не разбежишься... У Искры какой-то нюх. Как она угадала, что я в общем-то полуголодный, Аллах ведает. Только непринужденно так, легко: «Хочешь бутерброд с ветчиной?» Ну, я тоже запросто, будто всю жизнь одной ветчиной питался: «Давай». То ли она увидела, как я эту ветчину и дорогую ее рыбину лопал, то ли, повторяю, нюх, только на следующий день она мне такой завтрак притащила...

Ариадна. Заманивала.

Егор. Нет-нет, она добрая.

Ариадна. Дурачок, да такой шикарный парень, как ты...

Егор. Погоди. Потом домой чай пить, потом ужинать. А дома у них... Я тогда такое только в кино видел.

Ариадна. Погоди, погоди, так ты на ней в благодарность за бутерброды, что ли, женился?

Егор. Именно, именно. Какая ты умница! Я, конечно, хорошо к ней относился, и, не скрою, войти в этот дом мне тоже не казалось чем-то ужасным, я бы даже сказал, напротив. Но все это, ты понимаешь, было неправильно, ошибка. И вот теперь, когда вся эта чепуха отпала, когда я уже совсем, как говорят, акклиматизировался, я вдруг понял: ай-яй-яй, что же я наделал, как я неправильно вел себя. Я спутал обыкновенное человеческое участие и благодарность за него с любовью. Нет-нет, не спутал... Ах, как все сложно... Искра, Степан Алексеевич, Наталья Гавриловна... Понимаешь, я в плену этого дома, все связало меня. Я ему благодарен, всегда буду помнить, но... Вот это-то «но» сейчас главное. Я скажу тебе страшную, может быть, даже гадкую мысль свою. Чувство благодарности принижает человека, делает его рабом этой благодарности. У него уже руки связаны этой благодарностью, понимаешь?

Ариадна. Жутко... Но в какой-то мере понимаю. Хотя и не до конца. Жену твою все-таки жалко.

Егор. Мне тоже. Но сейчас я должен выйти в новую фазу. Иначе все, конец, крышка, дальше дно, граница конечной станции. В конце концов, для того чтобы личность могла состояться полностью, ей нужна свобода.

Ариадна. Свобода от чего?

Егор. От всего, что держит. И, главное, от внутренних тормозов. Я по духу крестьянин, сын лесов и полей, во мне дух свободы. И потом, я рязанец. Недаром из наших мест столько великих людей вышло: Есенин, Павлов, Салтыков-Щедрин...

Ариадна. Егор, я смотрю на тебя и думаю: все девчонки нашего курса сдохнут, когда мы поженимся. В тебе есть что-то удивительно высокое, даже жуткое. Ты будешь великим рязанцем.

Егор. Я ведь так сказал, к примеру.

Ариадна. Будешь, будешь! И деревню, в которой ты жил... Как она называлась?

Егор. Мышастовка.

Ариадна....переименуют в Ясюинку. Нет, к черту, будет не город Рязань, а город Ясюнин.

Егор (смеется). Обязательно.

Ариадна. Ав доме, в котором ты родился, сделают музей. На крыльце – ящик с огромными тапочками, и экскурсовод длинной указкой будет тыкать в экспонаты и рассказывать, какой ты был умный, добрый, чуткий и как тебя любили дети.

Егор. Уходи, безумная!

Ариадна. Сейчас уйду. Все, больше мне ничего не надо. Теперь у меня работа пойдет быстро. Вот ты рассказал мне, через какой ужас прошел. Еще больше люблю тебя...

Егор (смеясь). «Она его за муки полюбила...»

Ариадна. Ты знаешь, зачем я приходила? Чтобы ты понял: или – или. Я же измучилась, Егор, этой двойственностью. И я ревную к твоей, этой... Ты с ней сейчас, конечно, ни-ни?

Егор. О чем ты говоришь!

Ариадна. Я решительная, имей в виду... (Показывая.) Это, ты говоришь, кабинет?

Егор. Да-да.

Ариадна. Можно посмотреть?

Егор. Ну загляни.

Вошли в кабинет. Ариадна быстро закрыла дверь. Обхватила

Егора руками.

Ариадна. Дурачок, попался! (Целует его.) Милый, милый... Умираю!

Пров (в кресле). Извините, здесь я, простите...

Ариадна. Ах! (Выбежала.)

Егор (от растерянности грозно). Как тебе не стыдно!

Пров. Я читал. Эту спинку – ее надо спилить.

Егор. Ты, конечно, понял, что она просто веселая женщина, дурила. Шутка.

Пров. Да-да... Ты не беспокойся.

Егор. А чего мне беспокоиться? Я же говорю: дурачество. Если у тебя в голове какие-то поганые мысли...

Пров. У меня совершенно никаких мыслей нет.

Егор. Ты парень умный, тактичный.

Пров. Не надо, Егор...

Егор. Что – не надо?

Пров. Ничего не надо. Хоть у меня к тебе, сам понимаешь, огромной симпатии нет, но подлецом не хочу быть даже в отношении к несимпатичным мне людям.

Егор. И на том спасибо.

Пров. Не стоит благодарности.

Расходятся. В столовую входит Искра. Увидела на столе оставленную Ариадной рукопись, машинально в нее заглянула.

Проходит Пров.

Искра. У нас кто есть?

Пров. Нет.

Искра. Приходил кто?

Пров. Я не видел. По-моему, нет... Когда, в конце концов, отремонтируют мою комнату?! Болтаюсь тут между вами, как в проруби. (Ушел.)

Входит Егор.

Искра. У нас был кто?

Егор. Кто?

Искра. Я тебя спрашиваю – кто?

Егор. Никого не было. (Замечает на столе рукопись Ариадны.) А-а-а, забежала моя студентка. С курсовой зашивается. Экономика Испании восемнадцатого века. Оставила, чтобы посмотрел.

Искра. Ну как?

Егор. Я еще не читал, бегло взглянул.

Искра. И на первый взгляд?

Егор. Кажется, терпимо.

Искра. А я вошла – духами пахнет.

Егор (принюхиваясь). Действительно. Надушилась девица какой-то дрянью.

Искра. Почему? Приятный запах. По-моему, даже Кристиан Диор.

Егор (успокоенный). Как погуляла, миленькая? (Подходит к жене, чтобы поцеловать ее.)

Она резко толкает его в грудь. Егор чуть не падает.

Искра (глухо). Извини... (Уходит.)

Входит Наталья Гавриловна.

Наталья Гавриловна. Я нашла ваши плавки,
Георгий. Вы повесили их на батарею, а они за нее и упали.
Егор. Спасибо, Наталья Гавриловна.
Наталья Гавриловна. Душ будете принимать? Егор. Да, конечно.
Наталья Гавриловна. Я приготовила полотенце.
Егор. Благодарю.
Наталья Гавриловна. Вы бы эти дни были ближе к Искре. Может быть, вам о чем-то надо поговорить с ней. Она места себе не находит.

Егор. Эта история с операцией действительно на нее повлияла.
Наталья Гавриловна. Я сама иногда думаю: уж не надо ли воспитывать детей в новом духе?
Егор. Ох, принципиальные люди, Наталья Гавриловна, самые тяжелые.
Наталья Гавриловна. Но беспринципные опасны, Гора.
Егор. И это правильно.

Наталья Гавриловна ушла. Проходит Пров.

Не удержался? Понесло?
Пров. О чем речь?
Егор. Сплетница базарная.
Пров. Не понимаю.
Егор. Наплел Искре.
Пров. Пардон, что наплел?
Егор (видя воинственный вид Прова). Она вошла... и сразу... Извини.
Пров. Ну что вы, что вы! Пожалуйста!

Расходятся. Входит Искра. Тушит свет в столовой. Прошла в кабинет. Гасит там верхний свет, оставляя одну настольную лампу. Еще раз прошла в столовую. Вернулась в кабинет. Тихо притворила дверь. Посмотрела на иконы и вдруг встала на колени. Хочет перекреститься, но не знает как. Положила руки на грудь.

Искра (тихо). Господи, помоги мне... Помоги мне... Помоги мне... (Что-то шепчет.)

В это время в столовую входит Егор. Увидел свет в щели неплотно прикрытой кабинетной двери. Тихо подошел, заглянул.

Увидел молящуюся Искру. Остолбенел. Стоит смотрит. Быстро прошел через столовую обратно. Вернулся с Судаковым, на цыпочках подвел его к кабинетной двери. Судаков и Егор смотрят на Искру. Судаков распахивает дверь, входит в кабинет, Егор остается в столовой. Искра не вскочила, а приникла к полу.

Судаков. Что-то на ночь глядя захотелось каким-нибудь детективом мозги прочистить. (Как бы увидя Искру.) Уронила что?

Искра. Пуговицу от кофточки потеряла. Не могу найти.

Судаков. Да что ты! Пуговицу! Надо найти. Ну ищи, ищи.

Искра. Нет нигде. (Хочет встать.)

Судаков. Да ты лучше ищи. Я тебе посвечу. (Берет настольную лампу, идет к Искре. Освещает пространство.) Ищи.

Искра ищет.

Да что ж мы не догадались, надо зажечь верхний свет. (Оставляет лампу на стол, включает свет.) Что ты делала?

Искра. Я...

Судаков. Что делала, говорю, а? Молилась?

Искра. Что ты!..

Судаков. Молилась, идиотка! (Кричит.) Егор! Наташа!

Входит Егор.

Наталья!

Вбегает Наталья Гавриловна. Видит Искру на коленях.

Наталья Гавриловна. Искрочка, что с тобой?!

Вбегает Пров.

Судаков (жене). Не подходи к ней! Знаешь, что она тут делала? Молилась! А? Боженьке молилась! Вот что у тебя в доме делается! Вот как у нас детки воспитаны.

Искра. Я не молилась.

Судаков. Не молилась?

Искра. Нет.

Судаков. Нет?
Наталья Гавриловна. Оставь ее, Степа.
Судаков (дочери). Нет?!
Искра. Я же сказала.
Судаков. Что сказала?
Искра. Нет.
Наталья Гавриловна. Степа!
Судаков (дочери). Встань!
Искра встает.

Подойди к иконам.

Искра подходит.

Плюй на них.
Наталья Гавриловна. Степан!
Судаков. Ты же не молилась. Ты ни в какого дурацкого Бога не веришь!
Понимаешь, в какое положение ты нас всех ставишь?! Меня, мужа. Да если станет известно, что жена у него богомолка... что у меня... Ты, может, и по церквам бегаешь?! Есть теперь такие молодые психопаты... Ты понимаешь, что может быть, если дойдет... И самой-то не стыдно?! В советской газете работаешь. Плюй, я тебе сказал!

Пров. Папа, ты говорил, эти иконы тысячу рублей стоят.
Судаков. Оботрем! (Дочери.) Ну?
Наталья Гавриловна (вдруг). Ты что разгулялся, хулиган! Был в молодости шпаной, шпана из тебя и в старости вылезла. Ишь как распоясался!..
Судаков. Наталья!
Наталья Гавриловна. Тихо! Сделал из меня домашнюю курицу. Думаешь, совсем переродилась? Я тебе Натку Пузыреву напому! Я не до конца твоей этой жизнью пришиблена. Уют он нам, видите, создал, жратву. А хочешь, я сейчас все это твое шмотье в окошко повыкидываю! Я тебе так дверью хлопну, ты меня потом обратно и Новодевичьим кладбищем не заманишь!

Судаков. Но ты понимаешь, что на работе...

Наталья Гавриловна. Очумели вы все со своей работой, обалдели!

Судаков. Я хочу...

Наталья Гавриловна (подавляя его). Молчать!

Как стоишь? Пузо подбери. Как стоишь, я тебе говорю? Кругом!.. Что тебе сказано?!

Егор. Наталья Гавриловна, но согласитесь, Искра может скомпрометировать всех – и Степана Алексеевича, и меня, и вас, даже Прова.

Наталья Гавриловна. Министр иностранных дел, и ты айда отсюда! Выметайтесь! Иди-иди, утром к станку, у вас завтра трудный рабочий день. Идите, я сказала! Ну! (Схватила большую вазу и подняла вверх.) Сейчас как начну ахать!

Судаков и Егор выходят.

Судаков (проходя через столовую). Черт с ней, взбесилась. Она знаешь в молодости какая бешеная была... У нее медаль за отвагу и два боевых ордена.

Егор. Думаю, слуха не будет. Никто же не видел.

Ушли. Пров подходит к матери, целует ее.

Наталья Гавриловна (подошла к дочери, обняла ее). Что, моя миленькая... Это нервы... нервы... после больницы... Все-таки операция была... Нервы.

Искра начинает потихоньку всхлипывать. Сильней, сильней...

Истерика.

Тихо, Искра, тихо... Всегда надо держаться, всегда... Пройдет, все пройдет. (Ведет ее через комнаты.) Вот у нас на батарее лейтенанту Курочкину на моих глазах обе ноги оторвало. На моих глазах! А я любила его. Я знаешь как его любила. А увидела... (Голос ее начал дрожать.) Он сознание еще не потерял, видит, что ног у него нет. Лежит, а в чернеющих глазах его... Какие у него глаза были, Искра... (Увела дочь.)

Пров (падая на колени перед иконами). Господи, сделай так, чтобы Егор сдох!

Занавес

Действие второе

Утро Первомая. Та же декорация, только убраны все иконы, на их месте висят черные африканские маски из дерева. В столовой Егор делает утреннюю гимнастику. Каждое движение делает точно, с полной отдачей. Музыка из кассетфона. А за окном праздничный шум собирающейся первомайской демонстрации.

Входит Пров.

Пров. Тебя бы под купол цирка, на трапецию.
Егор продолжает упражнения. Взял пружину.

Входят Наталья Гавриловна и Искра. Накрывают на стол.

Наталья Гавриловна. С праздником вас, Георгий.
Егор кивнул головой, но не прекратил упражнений.
Искра (брату). Ты что не умываешься?

Пров. Отец в ванной полощется. Значит, на полчаса.
Наталья Гавриловна. Приучил бы и ты себя к гимнастике, Проша.
Пров. Видала, у нас во дворе по утрам двое лысеньких бегают трусцой? Я по ним в школу выхожу. Точно мыши. Есть в этом цеплянии за жизнь что-то трусливое, неблагородное.
Искра. Жажда жизни запрограммирована в человеке. Один мудрый сказал: надо любить жизнь больше, чем смысл ее.
Пров. Смешно! Будто твой мудрый знал этот смысл.

Искра. У тебя обыкновенная лень.
Пров. Ну и что же? Говорят, лень – сестра свободы.

Слышно пение Судакова: «Я на подвиг тебя провожала...»

Искра. Поди ополоснись, авось мировоззрение переменится.

Пров ушел.

Наталья Гавриловна. Георгий, ради праздника съешьте рыбного пирога. При вашей строгой диете один раз согрешить можно.

Егор кивнул головой в знак согласия, но не прервал занятия.

Вошел Судаков.

Судаков. Дай-ка и я! (Пристраивается к Егору и делает упражнения.)

Наталья Гавриловна. Не наклоняйся, прильет кровь.

Судаков. Да... не могу! Опоздал... (Подходит к окну.) Денек! (Дочери.) Есть в этих праздниках что-то особенное. Дух поднимает.

Звонок в дверь. Возвращается Пров телеграммой в руках.

Пров (отцу). Судакову Степану Алексеевичу. (Отдает отцу телеграмму.)

Судаков (читает). «От всей души поздравляю тебя и твоих близких светлым праздником Первомая. Желаю здоровья и счастья. Диму защите не допускают. Все равно благодарю за хлопоты. Любящая тебя Валентина».

Пров. Пап, ты же обещал!..

Судаков. «Обещал», «обещал»!.. Были звонки отсюда, да теперь местные свою власть любят показывать, ломают амбицию. Это надо же!.. Ну, люди!.. Ну...

Егор (закончил упражнения, выключил кассетофон). Вы, Степан Алексеевич, не расстраивайтесь. Свое слово сдержали, пытались оказать помощь, но...

Пров. Так не вышло же ничего!

Егор. А ты думаешь, все в жизни получается?

Пров. Но ты представляешь того парня? Он же как кролик перед теми удавами.

Егор. А нарушать дисциплину ему было раз плюнуть... Ничего, воспитательные меры – вещь бесполезная. Защитит на следующий год, зато навек запомнит.

Искра. Отец, ты должен что-то еще предпринять.

Судаков. А что? Что?! Вы все думаете, у меня в руках волшебная палочка. А у меня ее нет!

Егор. Эта штука – вещь переходящая. И никогда не знаешь, у кого она в данный момент и кто ею машет.

Пров. Но этот Димка от злости может что-нибудь выкинуть...

Егор. А если твой Димка при первой трудности...

Судаков. Да! Очень вы любите все справедливость. Я еще подумаю, может быть...

Пров. Искра, садись в самолет и лети туда, от газеты, я тебе обещаю: не пойду на философский, пойду, как и ты...

Наталья Гавриловна. Ей нельзя, она еще плохо себя чувствует...

Егор. Товарищи, ну мы всё обдумаем. Главное, без спешки. И не надо портить себе праздник.

Наталья Гавриловна. За стол, за стол!

Все усаживаются за стол.

Судаков (подняв рюмку). За мир во всем мире!

Телефонный звонок.

Не подходи, леший с ним. Ты, Егор, не слыхал чего-либо? Вчера, говорят, у Коромыслова совет держали.

Егор. Нет, не слышал. Но совершенно уверен – пройдет ваша кандидатура. Я фигуры двигал.

Судаков. Ну, братцы, если ваш отец в горку двинется, значит, он еще не старая развалина, а ого-го! Егор, оттуда и тебя кверху легче тянуть будет.

Егор. Спасибо, Степан Алексеевич.

Пров. Вот уж именно тот случай: не бывать бы счастьем, да несчастье помогло.

Судаков. А Хабалкина жаль. Сломило. И зря он сам заявление подал. Может, и не тронули бы.

Егор. Говорят, из Москвы уезжает, совсем. В родной край, в Саранск кажется. Мальчишка-то у него один был, а жены давно нет. Не то ушла к кому-то, не то умерла. Горе одних ожесточает, а других мягче делает.

Наталья Гавриловна. Все-таки нехорошо, Степа, что ты не был на похоронах.

Судаков. Я же тебе говорил – не мог освободиться. Приехали голландцы... Кстати, черт! Я же разрешил сегодня ко мне привести не помню кого. Чуть не забыл...

Приведут...

Пров. Ох!

Судаков. Да, милый, тебе «ох», а это моя работа.

А телефон все звонит.

Пров. Нельзя же так! (Выскочил из-за стола, подбежал к телефону.) Алло!.. Да, это я... Да что ты... Когда?.. Ночью?.. Ты оттуда и звонишь?.. Я к тебе приеду. Сейчас... Ну и что, что там демонстрация? Я проберусь. Адрес скажи... Ага!.. Восемь... Сто двадцать три... корпус четыре... Я запомню: восемь, сто двадцать три, корпус четыре. Это же близко. Ты не очень... Тихо, тихо... Я же слышу... Бегу!

Наталья Гавриловна. Ты куда, Проша?

Пров. Надо.

Наталья Гавриловна. Поешь сначала.

Пров. Не могу. Девочка ждет, сами понимаете... (Пробегаёт, переодеваясь на ходу.) Пап, насчет лекарства...

Судаков. Тьфу ты, черт! Третьего принесу, клянусь, как штык!

Пров. Нет, я говорю, лекарства не надо. Больной поправился. Совсем, абсолютно.

Судаков. Вот! Аты суетишься. И других дергаешь. Я забыл, а человек лишнюю химию не глотал... Что это у тебя там за девочка?

Пров. Зовут Зоя.

Судаков. Надеюсь, из приличных?

Пров. Абсолютно. Самого пролетарского происхождения. Мать в нашем овощном ларьке торгует, отец водопроводчик. Но он пока в тюрьме.

Судаков. Все остришь?

Наталья Гавриловна. Нет, Степа, это правда.

Судаков. Вы что, с ума спятили?

Пров. Не понимаю!

Судаков. Да что он у нас, мать, взбесился? Наркотиков, что ли, наглотался, белены? Что он у тебя вытворяет?

Пров. При чем здесь мама? Я влюбился. Любовь. Та самая, которая на поэмы вдохновляет, на подвиги. Ты только что пел. (Поет.) «Я на подвиг тебя провожала, над страной гремела гроза...»

Судаков (подскочил). Перестань! Я тебе запрещаю с этой девицей встречаться, слышишь? За-пре-щаю!

Наталья Гавриловна. Степа! Не надо...

Егор. Степан Алексеевич, он дурачится.

Пров. Может, и женюсь на ней для оздоровления сословия. До чего же ты, отец, интересно сформировался. Вот, говорят, если срезать дерево, то по кольцам его можно определить, какой год был активного солнца, какой пассивного. Вот бы тебя исследовать. Просто наглядное пособие по истории.

Судаков. Ты сейчас же сядешь за стол, будешь есть пирог...

Пров. Не буду. Боюсь растолстеть. Я вчера вычитал: заплывает душа телом. Иной так способен оскотиниться, что даже страшно пожелать ему здоровья и счастья. (Убежал.)

Судаков (вслед сыну). Дурак!

Все молча едят. Звонок телефона в квартире Егора и Искры.

Егор (вскакивает, бежит к себе. На ходу, Судакову). Может быть, о вчерашнем.

Наталья Гавриловна. Не сердись, Степа. Прошка дурачится.

Судаков. Но есть же мера. Есть. В конце концов, элементарное приличие... А что, у этой девицы действительно такие предки?

Наталья Гавриловна. Ну и что? Ты, наверно, ее мать видел. У наших же ворот ларек. Такая полная, рыжая.

Судаков. Кошмар! Эта пьяная морда...

Наталья Гавриловна. Она не всегда пьяная.

Судаков. Кошмар!

Наталья Гавриловна. У Егора тоже отец был, знаешь...

Судаков. Так то Егор!

Наталья Гавриловна. А она Зоя.

Судаков. Кошмар!

Наталья Гавриловна. Мне девочка понравилась.

Судаков. Кошмар!

Наталья Гавриловна. Да будет тебе, затвердил как попугай! Никакого кошмара нет. Я даже рада, что Пров не походит на некоторых молодых людей, которые себе уж, знаешь, партии высматривают.

Судаков (дочери). А ты что молчишь?

Искра. А я не слышу, о чем вы говорите. А если и слышу, ничего не понимаю. Ты съезди, отец, в Иран, привези ему персидскую принцессу. Может, он и переменится.

Судаков. Нет, это леший знает, что дома творится! На работе так хорошо. Четко, слаженно... А тут...

Наталья Гавриловна. Нельзя так, Степа, с ним разговаривать. Ты же прекрасно знаешь: если человек влюблен... Себя вспомни, а?

Судаков. Какая тут любовь! Ему только шестнадцать двадцатого исполняется.

Наталья Гавриловна. Двадцать восьмого. А в шестнадцать лет... Мы же не знаем, что произошло с Колей Хабалкиным.

Судаков. Ну, лавируй сама... Не хочу я во всю эту муть влезать.

Наталья Гавриловна. И не надо.

Искра вышла.

Судаков. Я еще от поведения Искры очухаться не могу. Ничего, я ей этих черных чертей наставил, пусть им кланяется, они ей наколдуют... С ума спятила!

Наталья Гавриловна. Выговориться ей надо было, чтобы легче стало. А она даже мне не открывается. Кому-то надо...

Судаков. Не в пустоту же. Это волки, глядя на луну, воют.

Наталья Гавриловна. Не осуждай. Это мука выходит.

Судаков. Прощке тоже кого-то подсунуть надо. Я понимаю, возраст. Но соображать-то он должен.

Наталья Гавриловна. Ешь пирог, Степа, ешь. Ой, да он остыл. Сейчас подогрею. (Ушла.)

Звонок в дверь. Искра проходит открыть. Возвращается.

Искра. Папа, к тебе.

Входит Золотарев, молодой человек. В руке у него большая искусственная ветка цветущей яблони. Такие носят на демонстрациях.

Золотарев. С праздником, Степан Алексеевич!

Судаков. Золотарев, привет! И тебя тоже. На демонстрацию идешь?

Золотарев. Да. Меня выделили. Как раз у вашего дома топчемся.

Судаков. Проходи, проглоти пирога. Вкуснота! Жена разогревает.

Золотарев. Не могу, отстать боюсь. Я на минуту.

Судаков. Что там?

Золотарев. Я, собственно, к Георгию Самсоновичу. Поздравить.

Судаков. С чем?

Золотарев. Вчера у Коромыслова решили: Георгия Самсоновича на место Хабалкина. Пока исполняющим обязанности, а потом...

Судаков. Георгия?!

Золотарев. Да. Товарища Ясюнина. Он хлопотал, я знаю. Еще в тот день, когда про сына Хабалкина узнали, сразу. Зять у вас, Степан Алексеевич, по-настоящему выдающийся. И что главное – все его уважают. Умеет он...

Судаков (встал из-за стола, зовет). Георгий Самсонович, к вам пришли.

Входит Егор.

Золотарев. Поздравляю вас, Георгий Самсонович, и с праздником, а главное – с назначением. От самого чистого сердца поздравляю...

Егор. Спасибо, Вася.

Судаков. И от меня прими самые, так сказать, рас-самые. (Жмет руку Егору, даже обнимает его.)

Егор. Если бы не вы, Степан Алексеевич...

Судаков. Ну что ты, что ты! Достоин! Вполне!.. Ушла разогревать пирог и не несет – как бы там сама его не съела! (Ушел.)

Золотарев. Я первый известил?

Егор. Только что по телефону сказали.

Золотарев. Ох, пролазы, уже успели!

Егор. Нет, не приятели.

Золотарев. Неужели сам звонил?

Егор. Почти... Спасибо, Вася. Выпей рюмочку. Икоркой закуси. (Наливает Золотареву и себе водки.)

Золотарев. Спасибо.

Чокаются. Пьют.

Егор. Не совсем вовремя ты вошел...

Золотарев (закусывая). Догадываюсь. Я не знал, что... А вообще-то плюньте вы на них. Старье – оно и есть старье. Что он вам теперь, верно? Родня, и только... Вчерашнее жаркое. Оптимист!.. На том держится! А знаете, откуда у них эта радость жизни?! Они в той войне выжили, и у них на всю жизнь оптимизм получился. (Смеется.)

Егор. Глаз у тебя, Вася, не очень ли острый?

Золотарев. А что? Точно!.. И чего им надо? Во! (Обвел рукой комнату.) А как же! Пришли с войны – ни села, ни хаты. А тут!.. У таких идеал – материальное благополучие!

Егор. А у тебя?

Золотарев. Массам, конечно, материальное требуется... Только, знаете, прежде всего надо восстановить порядок. Люди потеряли страх – оттого то тут дыра, то там яма. Распустились, им, главное, тишину подай, покой... Ради Бога, не делайте волны! А, по-моему, сейчас именно волна и нужна. Я правильно анализирую? А?

Егор. Иди, Вася, а то колонна уйдет. Я давно тебя заметил.

Золотарев. Спасибо, Георгий Самсонович. Желаю вам на новом поприще успеха. Очень вас уважаю! Егор. Спасибо, Вася.

Золотарев. Будьте здоровы!

Егор. До свидания.

Золотарев уходит. Наталья Гавриловна снова вносит пирог.

Наталья Гавриловна. Вы еще будете кушать, Георгий?

Егор. Спасибо, нет. Сговорился с другом у метро встретиться и забыл. (Быстро собирается.)

Наталья Гавриловна. Степа, я разогрела, иди!

Входит Судаков.

Судаков. Наташа, у нас нет какой-нибудь чертовщины? Что-то сердце брыкается. Наталья Гавриловна (подходя). Дай-ка руку. (Пробует пульс.) У Искры есть валокордин. Гора, принесите, пожалуйста.

Егор уходит.

У тебя тахикардия. Сядь. (Усаживает мужа.)

Возвращается Егоре пузырьком валокордина.

Егор. Пожалуйста. (Передает капли Наталье Гавриловне.) Извините, я опаздываю. (Уходит.)

Судаков (вырывает пузырек из рук жены). Не хочу! (Швыряет его в сторону.)

Наталья Гавриловна. Ты что?

Судаков. Не хочу!

Наталья Гавриловна. Поди приляг. Ну что ты так! У Проши знаешь сколько еще всяких Любостей будет. Это все, как твоя знакомая говорила, предвестие. А девочка она, честное слово, славная, открытая.

Судаков. Первый раз сердце почувствовал... Не знал, с какой оно стороны. Думал, до ста лет жить буду.

Наталья Гавриловна. И проживешь. Это чепуха, сейчас пройдет. Идем-идем... (Уводит мужа.)

Звонок в дверь. Искра идет открывать. Возвращается с Ариадной.

Искра. Пожалуйста, проходите. Вы к Степану Алексеевичу?

Ариадна. Нет, я не к нему.

Искра. А Георгий Самсонович только что вышел.

Ариадна. Я знаю, видела. Я к вам. Меня зовут Ариадна. Ариадна Коромыслова. Вам, наверно, эта фамилия знакома.

Искра. Да, конечно. Отец работает вместе с вашим папой. У отца какие-то неприятности на работе?

Ариадна. Нет. Почему вы так решили?

Искра. У вас лицо встревоженное. Проходите, садитесь.

Ариадна. Спасибо. (Села.)

Села и Искра.

Я к вам. Лично к вам. Разговор, может быть, странный, но серьезный.

Искра. Я теперь догадываюсь.

Ариадна. Почему?

Искра. По запаху.

Ариадна. То есть?..

Искра. Я шучу... Слушаю.

Ариадна. Я не знаю, как начать... Я много думала. Может, это глупо и даже дико, но я решилась. Я решила помочь Георгию Самсоновичу выйти из положения. Он совершенно разрывается, страдает.

Искра. Да что вы! Давайте поможем человеку.

Ариадна. Я сейчас позвонила по телефону, назначила встречу у метро «Измайлово», нарочно подальше, чтобы мы успели поговорить. Я снизу звонила из автомата. Потом ждала, когда он выйдет. И вот...

Искра. Вы умница. Так толково придумали. А вы не боитесь, что я сейчас встану, возьму вас за шиворот и выброшу за дверь?

Ариадна. Ну зачем же? Я к вам по-хорошему. И я еще ничего не сказала.

Искра. А я, представьте себе, примерно догадываюсь, о чем будет речь.

Ариадна. Он вам говорил?

Искра. Что?

Ариадна. А... Он удивительно сильный, а тут... у него тормоза.

Искра. Какие тормоза?

Ариадна. Внутренние. Я решила сама. Знаете, давайте просто, по-современному, а? Георгий Самсонович хочет уйти от вас, но не знает, как это сделать. Ко мне, вы понимаете? Его мучит совесть и держит. Он обязан вам, вашему дому. Он очень переживает. Но нельзя же любить в благодарность за что-то, верно? Я бы сказала, ситуация сложилась простая. И это жизнь, это естественно. Все развивается. Старики ахают: безобразие! А это течение жизни, новое. Более свободное. Они освоить не могут, но мы-то можем, мы другие. Зачем же мучиться? Вон моя подружка Тата Пивоварова третьего дня шикарную свадьбу сыграла. А вчера мне говорит: я, кажется, ошиблась. Ну и что же, бывает. Говорит, буду разводиться. И все спокойно, без достоевщины. Да, иные отношения, иное время. И классики говорили, предсказывали: отомрет семья, частная собственность и даже государство. Частная собственность уже давно отпала. Тоже, говорят, некоторые переживали, потом привыкли. Сейчас отпадает семья. Я была в некоторых развитых странах, там уже запросто. Россия, знаете, в чем-то всегда отстает от Европы... Вы напрасно сердитесь. Я, конечно, могу встать и уйти. А что

изменится? Он будет ходить ко мне, здесь только ночевать. Ну и что? Расходы на транспорт, и только. Раз произошло, ничего не поделаешь... Что вы молчите?

Искра. Слушаю. Вы говорите дико, но почти правду.

Ариадна (оживившись). Да-да, главное – не переживать. Мне неприятно говорить вам, но... Я могу быть откровенной?

Искра. Попробуйте.

Ариадна. Вы извините, он не любит вас и не любил никогда.

Искра. Ну, миленькая, ты этого знать не можешь.

Ариадна. Он мне сам говорил. Вы кормили его бутербродами, ввели в дом, и он в благодарность... Что такое любовь, он говорит, узнал только со мной!

Искра. Все?

Ариадна. В общих чертах – да. Еще он сказал, что у вас не может быть детей. Это его тоже мучит.

Искра. Я не знаю вас, еще не понимаю, что вы за человек. Я, знаете, могу даже предположить, что вы неплохой человек, потому что только очень наивный может вот так прийти и лепетать то, что лепечете вы. Или вы просто, извините, недоразвита... Вы не боитесь Егора, Ариадна?

Ариадна. Я люблю его.

Искра. Об этом я уже догадалась. Не боитесь его?

Ариадна. Я не понимаю... Все девочки нашего курса от него без ума. Он личность!

Искра. А я боюсь... Очень боюсь... очень...

Ариадна. Я понимаю, вы ревнуете и можете наговорить на него...

Искра. Я ничего не буду на него наговаривать. Да и нечего... Вы любите цветы?

Ариадна. Да.

Искра. А музыку?

Ариадна. Конечно.

Искра. А детей?

Ариадна. Очень. Он сказал, что у нас будет трое.

Искра. Вы не будете любить цветы, вы перестанете слышать музыку, у вас не будет детей. Никогда. Он растопчет вас, вытрет о вас ноги и перешагнет...

Ариадна. Нет-нет! Я удивляюсь, как вы за все годы не поняли, какой это тонкий, глубокий человек! Да если вспомнить его жизнь, его мучения, через что он прошел...

Искра. Папа – шабашник, пьяница, барак, холод, голод...

Ариадна. Да-да...

Искра. Вы знаете, я вдруг начинаю сомневаться: а было ли все это в его биографии? Не сочинил ли он все это для удобства жизни?

Ариадна. Неужели у вас нет чувства сострадания?

Искра. Моя профессия требует этого качества...

Ариадна. Не будем друг друга мучить. Искра Степановна, скажите просто – отпускаете вы его или нет?

Искра. Значит, вы дочь Коромыслова... А кто начальник вашего папы?

Ариадна. У отца нет начальника, он подчиняется только Баранову.

Искра. У Баранова есть дочь?

Ариадна. Мы бываем у Барановых. У них две дочери.

Искра. Целых две! Не знакомьте Егора с ними ни за что. Он вас обменяет, сейчас же обменяет... Скажите откровенно: это Егор прислал вас поговорить со мной?

Ариадна. Нет.

Искра. Он!

Ариадна. Честное слово, ничего подобного. Он там, в Измайлове, и даже не знает, что я здесь. Стоит и ждет.

Входит Наталья Гавриловна.

Наталья Гавриловна. Что же ты, Искрочка, не предложишь гостье чаю? Пирог еще теплые... Я вас узнала, вы студентка Георгия Самсоновича, в тот раз приходили. Вы завтракали, деточка?

Искра. Эта деточка собирается стать женой нашего Егора. Пришла, чтобы меня об этом уведомить. Мы для него пройденный этап, мама. Впереди дом самого Коромыслова... Идите, Ариадна. Если вы его любите той любовью, о которой в книгах пишут, тогда все. Мои слова – в стенку горох. Пусть растопчет. Зато будет что вспомнить, верно? Но если у вас только легкий дурман... Вру, все вру. У меня у самой от одного его вида, от прикосновения голова кругом шла. Всех очаровал. Всех девочек вашего курса! Всех... В общем, хорошо, что вы пришли. Грубо, топором, «по-современному», как вы говорите. Но вы правы. Это я, набитая, все еще чего-то жду, пытаюсь вывернуться... А вы – бац, и готово! Я переживу, переживу! Я много езжу. И знаете, когда стучат колеса, когда вибрируют крылья самолета, закладывает уши и в коленях дрожит животный страхок... а рядом чужие люди, но почему-то тебе близкие и дорогие... Может, оттого, что все мы вместе висим в воздухе и это объединяет... Знаете, однажды я летела в Караганду, и что-то с самолетом случилось в воздухе. Все это почувствовали, и все молчали.

Сделалось тихо-тихо. Вспыхнула надпись: «Пристегните ремни!» Меня вдруг охватил ужас, я оледенела. Бортпроводница что-то объясняла ласковым, ровным голосом, но я не слушала, никто не слушал. И вдруг я увидела в проходе маленькую девочку. Она при качке обронила куклу, присела, подняла, стала гладить и целовать. А потом засмеялась и побежала к матери. Мать как-то поразительно светло улыбнулась ей. И мне стало стыдно за себя, за свой страх.

И он растаял. Девочка и я. Маленькая девочка, еще только начинает жить... Все будет так, как вам хочется. Вам будет легко. Вы молоденькая, хорошенькая, современная.

Ариадна. Вы тоже красивая.

Искра. Ну, знаете, подержанный товар идет уже по удешевленным ценам... Не бойтесь за Егора. Убивать не буду. До свидания.

Ариадна. До свидания.

Искра. Относительно детей... Он только недавно меня уговорил сделать второй аборт. И я сделала. Счастливо!

Ариадна. Подождите... Я не все понимаю. Он уже давно со мной... Ой! (Закрывает лицо руками.) Меня самое что-то трясти начало, как в том самолете... Мама верно говорит мне, что я дура. Хотя... знаете, что такое быть умной... я уже совсем запуталась. Для них ведь что ни сделай, все не так. Татка говорит: «Отбить такого мужика – все равно что настоящий подвиг. За такое, говорит, медали давать надо...» Она еще говорит: «Раньше аристократы выездами гордились, у кого какие лошади, поскольку лошадей у нас нет – можно мужиков показывать...» А ваш Егор... Я же сюда шла... думаете, легко было... я... о нем думала... (Вынимает из сумочки платок и забавную игрушку.) Поздравить его хотела!.. (Швырнула игрушку.) Пожалуйста, не говорите ему, что я приходила... И пусть он там стоит... пусть ждет!.. (Вдруг сильно заплакала и выбежала в дверь.)

Искра. Оказалась несовременной.

Наталья Гавриловна. Искрочка, что это?

Искра. До чего ты любишь риторические вопросы, мама.

Наталья Гавриловна. Искрочка!..

Искра. Не надо.

Входит Судаков.

Судаков. Отпустило! (Видит плачущую Искру.) Опять чего-то не хватает.

Наталья Гавриловна. Степа, здесь была дочь Коромыслова, Ариадна.

Судаков. Какие-нибудь новости? Что же вы мне не сказали? Зачем она приходила?

Наталья Гавриловна. Наш Георгий сделал ей предложение.

Судаков. Кому?

Наталья Гавриловна. Ариадне Коромысловой.

Судаков. Очередная ахиня? Во-первых, Ариадна еще девочка, я же ее знаю...

Наталья Гавриловна. Она была девочкой.

Судаков. А во-вторых, этого не может быть.

Наталья Гавриловна. Почему?

Судаков. Потому что быть этого не может.

Наталья Гавриловна. У тебя несокрушимая логика.

Судаков. Но я бы знал. Не мог же он...

Искра. Личность все может, папа. (Ушла.)

Судаков. Домолилась. Она должна была его держать.

Наталья Гавриловна. Как это – держать?

Судаков. Не знаю. Это вам, женщинам, должно быть известно. Вот ты меня держишь.

Наталья Гавриловна. Чем это я тебя держу? Пожалуйста, на все четыре стороны, не зарыдаю.

Судаков. Ведь вот ты какая ехидная! Этим ты меня и держишь... Она должна была его понимать, а этого не произошло, потому что она заурядная. А он личность! А личность может понимать только другая личность! Безликие существа понимают только друг друга. Кстати, сейчас заходил наш сотрудник, сказал, что Егор назначен на место Хабалкина, временно правда.

Наталья Гавриловна. Как – Егор? А ты?

Судаков. Что – я?

Наталья Гавриловна. Ты же говорил...

Судаков. Что я говорил?!

Наталья Гавриловна. Но...

Судаков. Я шутил, острил, могла бы, кажется, догадаться. Назначили правильно. Молодого, перспективного. Эрудирован, точная политическая ориентация, три языка знает...

Наталья Гавриловна. Ты, Степа, должен пойти и сказать обо всем Коромыслову. Надо его предупредить.

Судаков. Как это я пойду?

Наталья Гавриловна. Обыкновенно, ножками.

Судаков. В уме ты? Как же я пойду, когда я сам Филиппу Васильевичу все уши про Егора дифирамбами прожужжал. Его и повысили в том числе потому, что я о нем на каждом шагу... И правильно его повысили! Слышишь? Правильно!

Наталья Гавриловна. Слышу, Степа. Ты только не волнуйся. Все правильно.

Судаков. Что правильно?

Наталья Гавриловна. Все.

Судаков. То-то!

Входит Искра.

Искра. Отец, я хочу в Томск вылететь третьего, оформлю командировку. Дай бумаги Валентины Дмитриевны, я пока познакомлюсь.

Судаков. Сейчас. (Прошел в кабинет, сел за стол и задумался.)

Наталья Гавриловна. Но можно ли тебе, Искра?

Искра. Не можно, а нужно.

Наталья Гавриловна. Прежде всего тебе надо обрести душевное равновесие.

Искра. Не хочу, не хочу! Моя злоба мне нравится.

Наталья Гавриловна. У тебя не злоба, у тебя досада.

Искра. Ой, как со стороны хорошо видно!

Наталья Гавриловна. Не совсем со стороны.

Искра. Совсем.

Наталья Гавриловна. Кроме того, я буду откровенна, Искра. Он действительно никогда не любил тебя.

Искра. Не надо, мама, меня подбадривать таким способом. Откуда ты знаешь?

Наталья Гавриловна. От отца.

Искра. Он говорил что-нибудь отцу?

Наталья Гавриловна. Что ты! Но Степан любил меня, и я знаю, как выглядит человек, который влюблен.

Искра. Смешно. Почему же ты не сказала мне этого раньше?

Наталья Гавриловна. Я говорила: подумай.

Искра. Не помню.

Наталья Гавриловна. Ты не только не помнишь, ты тогда и не слышала.

Искра. У тебя есть совет?

Наталья Гавриловна. Единственный. При всех случаях не опускайся.

Искра. Думаешь, буду его умолять?

Наталья Гавриловна. Милая, ты выросла и стала для меня такой же загадкой, как и другие.

Искра. Он же ее не любит, не любит.

Наталья Гавриловна. Я понимаю тебя, девочка моя: ты отдала ему свою жизнь, ввела в дом, нянчила, любила. Ради него ты лишилась ребенка. Наверно, в этом чувствуешь и свою вину.

Искра (кричит). Замолчи!

Наталья Гавриловна (после паузы). Извини меня, Искра.

Искра. Мама, я перебежала в эти комнаты, а он пусть там, там. И дверь оттуда мы запрем, забьем гвоздями. Ведь я все понимала в последнее время. В Библиотеке иностранной литературы он занимался до ночи... Ты знаешь... Ладно, я тебе скажу. Я ходила туда. Да-да... Понимала, что срам, позор, но пошла. Как простая баба, как... А, все мы на одну колоду, все простые, когда до живого дойдет.

Наталья Гавриловна. И его там не было?

Искра. Не знаю. Я вышла из метро на «Площади Ногина» и пошла по Солянке...

Я еще в метро все хотела вернуться... На каждой станции говорила себе: не надо...

Нет, доехала... Иду по Солянке... Ничего не вижу, на детскую коляску наткнулась.

Кажется, обругали. Перешла Астахов мост, увидела здание. Оно мне страшным показалось... И все иду. Рассудок говорит: не ходи. А та самая невидимая сила

тащит... Взялась за дверную ручку, и вдруг мысль мелькнула: у меня же пропуска

нет. Пропуска в библиотеку. Не скажу же я вахтерше: мужа искать пришла... И, ты знаешь, я даже обрадовалась. Захлопнула дверь и побежала...

Наталья Гавриловна. Чему же ты обрадовалась?

Искра. Что не вошла. Понимаешь, я боялась его там не увидеть. А так – даже успокоилась. Там, думаю, он сидит, занимается... И вот когда он послал меня на аборт, я поняла...

Наталья Гавриловна. Не надо, Искра, милая, подержись.

Звонок телефона в кабинете.

Судаков (очнувшись, взял трубку). Да... да, это я... Из какой милиции?.. Да,

Судаков Степан Алексеевич... Зачем?.. Что?.. Портфель?.. Хорошо, я понял...

Понял, говорю. (Бросил трубку, вошел в столовую.) Ну, уж с полным вас

праздником! Пров в милиции. Нет, я там как дьявол верчусь, глобальные проблемы... а тут, в собственном доме!.. Требуют явиться. Я не пойду в милицию. (Жене.) Иди ты. Ты, ты иди, я не пойду. Это уже не двадцать два, это уже сорок восемь!

Наталья Гавриловна. Степа, объясни подробно.

Судаков. Что подробно? Чего тебе еще не хватает? Он там, сидит. Иди-иди, они подробно расскажут. Отнял портфель, побежал... схватили... украл... Сын – вор. (Подошел к столу, взял бутылку пшеничной водки, рюмку, потом сменил на стакан, наливает.)

Наталья Гавриловна. Степа, тебе нельзя.

Судаков. А это все можно? (Залпом выпил.)

Наталья Гавриловна. У тебя же тахикардия!

Судаков. Сдохнуть хочу. (Хочет налить вина.)

Наталья Гавриловна. Не смей! (Берет стакан.) Уймись. Сядь. (Усаживает мужа на диван, обняла, поцеловала.) Утихни. Ничего страшного не произошло, все выяснится. Какая-то ошибка, это ясно. Пров не может. Неужели ты сам не понимаешь: недоразумение.

Звонок.

(Открывает дверь в прихожей, возвращается вместе с Зоей.) Зоя, ты не с ним была? Ты знаешь, где Проша? Ну?

Зоя. Конечно. С ним была. Я сама ничего не могу понять. Вышли мы от Иры Скворчковой, у нее ночью умер отец. Я ему говорила по телефону: не ходи. А его понесло. Ему там чуть плохо не сделалось. Мужчины вообще чувствительнее женщин. Ну, плач, покойник, зеркала черным завешивают, – я понимаю. Вышли мы. Вдруг он мою руку бросил, я его под руку держала. Побежал. А впереди какой-то дядя шел в сереньком костюме, портфель у него коричневый. Он этого дядю догоняет и, я даже ничего сообразить не могла, вырывает портфель и бежит. Тот как заорет! Ну, а милиции-то сегодня полно, сами понимаете, праздник. Его хватают. Бегу туда, говорю: «Пустите, пустите...» А на меня и не смотрят. Я бегу, а его ведут. И лицо у него какое-то странное, у Прова, ничего не выражает, тупое, будто дурачком сделался. Я даже испугалась. И в милиции ему говорят: «Зачем вырывал?» А он: «Думал, там деньги». А в портфеле-то в этом две поллитровки было, сайры банка, сельдь в масле, батон белый за тринадцать копеек и полбуханки черного. И дамское, извините, белье новое, с ярлыком. Видать, в подарок нес, в гости шел. Это все там на стол выкладывали, записывали.

Наталья Гавриловна. Где он, Зоя?

Зоя. В сорок девятом. Протокол начали составлять.

Наталья Гавриловна (мужу). Сейчас же иди туда.

Судаков. Нет.

Наталья Гавриловна. Одевайся.

Судаков. Но ты понимаешь, что мне явиться в отделение милиции...

Искра. Я пойду. Папе не надо. Он там начнет грудь выпячивать, только разозлит всех.

Судаков. Да, Искра, ты, именно ты. Ты со всем этим часто возишься, умеешь, понимаешь, как надо. А милиция... черт знает как с ними разговаривать. А я позвоню... погоди, кому звонить?.. Черт, ни одного начальника по этому делу не знаю. С королем Саудовской Аравии обедал, с президентом Никсоном на одной фотографии вышел, а начальника районной милиции не знаю.

Зоя. Не ходите пока, надо подождать.

Наталья Гавриловна. Как же можно ждать? Его переведут в тюрьму.

Зоя. Да нет. Я матери сейчас сказала. Она выручит. Мать ларек закрыла и помчалась. Ее там все знают, у нее там дружки – дядя Миша, Николай Длинный. Она лучше вас...

Наталья Гавриловна. Его там не били?

Зоя. Гражданин этот дал ему по шее, но милиционер знает как его одернул. Проша правильно себя ведет, не сопротивляется. Все твердит: я сын Судакова Степана Алексеевича.

Судаков. О-о-о-о!

Наталья Гавриловна. Нет, так нельзя! Зочка, Искра, идите вместе. Пока не поздно... Мало ли что! Вдруг Проша начнет философствовать. А там, я слыхала, этого не любят. Идите!

Звонок. Искра открывает дверь в прихожую. В столовую входит мать Зои – Вера Васильевна. Она за руку ведет Проша.

Вера Васильевна. Здравствуйте. Извините. Вот он. (Зое.) Ты что в туфлях влезла, тапочки не передела?

Наталья Гавриловна (бросаясь к сыну). Проша!.. Проша!.. (Целует его.) Мальчик, мой мальчик!.. (Плачет.)

Вера Васильевна. Да все! Закрыто. И протокол порвали. Васюков дежурит. Я говорю: «Отпускай под мое честное, отвечаю». Тот гаврик начал было тьявкать, а я ему говорю: «Ты кому это розовые трусики нес, гад? Я вот жене скажу, адресок твой уже записан». Живо стих. (Дочери.) Ты в какой дом-то влезла, а? (Наталье Гавриловне.) Вы ее гоните, если чего. Они, молодые, места своего не знают, стыда нет.

Наталья Гавриловна. Ваша Зоя девочка хорошая.

Вера Васильевна. Все они на чужих людях хороши, а матери дома – все замечания, выговора, будто мы совсем уж опилками набитые... Одно могу сказать: любит меня, любит. Любишь, Зойка, а?

Зоя. Будет тебе.

Вера Васильевна. Стесняется. Любит. Сердце доброе, в отца... Ну, извините нас. Идем, Зойка.

Зоя. Иди, я не поздно приду.

Вера Васильевна. Еще бы поздно, узнала бы у меня!

Наталья Гавриловна. Простите, я не знаю вашего имени-отчества.

Вера Васильевна. Вера Васильевна я, Губанова по первому мужу, а девичья фамилия Кислова.

Наталья Гавриловна (жмет руку Вере Васильевне). Огромное вам спасибо, Вера Васильевна, у меня нет слов...

Вера Васильевна. Да что вы! Мы всегда, если своим помогать. Да и мальчонке вашему я так благодарна.

Наталья Гавриловна. За что?

Вера Васильевна. Да он же вам, наверно, сказывал, как Зойку-то мою у кинотеатра от двоих парней отбивал. Лезли скоты длинноволосые. Я ей говорю: «Не ходи на поздний сеанс». Да и всех вас я знаю, из своего ларька каждый день вижу. И как он в школу бежит, и как ваш супруг с молодым мужчиной на работу в машину садятся. Очень тот молодой человек красивый и такого гордого виду – кто он, не знаю.

Наталья Гавриловна. Муж дочери.

Вера Васильевна. Завидный. Такого хоть по телевизору показывай. (Искре.) Очень вас поздравляю. Вас, барышня, тоже знаю. (Наталье Гавриловне.) А уж вы-то к моему ларьку часто жалуете. И деликатные очень. Я поначалу, как у ваших-то ворот торговать начала, вам всякую пересортицу совала. Вижу, дама то ли ничего

не понимает, то ли неразборчивая. Я вам гниль-то и подсовывала. А потом однажды вижу: вы к воротам подошли и стали из сумки-то своей дрянь-то эту в урну выбрасывать. И как-то мне неловко стало. Думаю: «Она не глупая, она деликатная». И уж я вам потом, наоборот, самого отборного вешала. Я деликатных знаете как уважаю. На людей-то насмотрелась. Все рвут, все требуют, всем давай, да все быстрее, чего, мол, копаешься! А вот зимой-то на морозе голыми руками поди похватай свеклу там или огурцы те же. Пальцы к весам да к гилям прихватывает, рук-то уж не чувствуешь. Летом-то еще благодать. И всем-то дай получше, поспелее, будто похуже я должна сама кушать. И все очередь, очередь, будто все только и делают, что целый день едят. Знаете, как мне лица-то эти примелькались. Они и во сне ко мне в очереди стоят... Только тогда и хорошо, когда продукты кончаются.

Наталья Гавриловна. Подождите, чего ж мы с вами так стоим! Давайте я вас чаем угощу. У меня пироги.

Вера Васильевна. Не могу, все побросала. Повесила бумажку «Ушла на базу» – и бежать. Там уж, поди, покупатель серчает. Праздник!

Наталья Гавриловна. Пять минут!

Вера Васильевна. Не могу. План не выполню.

Судаков. Хотите, я вам в Болгарию на Золотые пески путевку сделаю?

Вера Васильевна. Чего?

Искра. Папа!

Судаков. В Болгарию на Золотые пески не хотите поехать?

Вера Васильевна. Хотела бы, да теперь не могу. Кто же Константину передачи носить будет? Вот уж когда он отсидит, мы хоть в Гавану, очень вам будем благодарны. (Наталье Гавриловне.) Если что потребуется, в очередь-то не становитесь, а сзади в дверку мне стукните, я открою и... У меня там всегда что-нибудь дефицитное имеется. Счастлипочки! Бегу! (Прову.) Не балуй! (Ушла.)

Выходит и Искра.

Судаков (сыну). Не желаю с тобой разговаривать! (Ушел.)

Наталья Гавриловна (ему вслед). Может, температуру смеряешь? У тебя, по-моему, жар.

Возвращается Судаков.

Судаков. Я знаю, зачем он это сделал, знаю! (Скрывается.)

Наталья Гавриловна (сыну). Объясни.

Пров молчит.

Между прочим, Георгий, кажется, уходит из нашего дома.

Пров. Услышал, значит, Господь Бог мою молитву! А Искра где?

Наталья Гавриловна. Видимо, к себе пошла... Я тебя всегда просила, Пров: прежде чем что-то совершить, подумай о родителях.

Пров. Знаешь, мама, если каждый раз думать о последствиях, вообще шевелиться не надо.

Наталья Гавриловна ушла.

(Зое.) Пойдем ко мне.

Снова врывается Судаков.

Судаков. Если тебе противен Егор и, видимо, я, если мы тебя не устраиваем, то ты должен прежде всего быть умней Егора. У тебя не золотая медаль должна быть, а бриллиантовая... Он три языка знает, ты должен знать тридцать три... Тогда он тебе служить будет, а нет – ты ему. А ты как учишься? Ясно? Побеждает, милый мой, умнейший... А я что? Я, конечно...

Пров. Папа... (Делает движение к отцу.)

Судаков. Извини, у меня дела. (Ушел.)

Пров и Зоя прошли в кабинет.

Зоя. Ты еще здесь обитаешь.

Пров. Только вчера докрасили. Сохнет. Вечером перебазируюсь. Пойду лицо вымою. (Вышел.)

Зоя подошла к полке с книгами, достала томик. В столовую входит Искра с охапкой вещей: пакеты с письмами, платья, лампа.

Наталья Гавриловна (входя следом). Платья отнеси в спальню.

Пров возвращается в кабинет.

Пров. Освежился.

Зоя. Смотри, какие замечательные строчки:

Прочти мне стихи или песню простую какую-нибудь, Чтоб мог я от мыслей тревожных шумливого дня отдохнуть. Не тех великих поэтов, чей голос — могучий зов, Чей шаг отдаленным эхом звучит в лабиринте веков. Возьми поскромнее поэта, чьи песни из сердца текли, Как слезы из век задрожавших, как дождик из тучки вдали. И музыка сумрак наполнит. Мучительных дум караван Уложит шатер, как арабы, и скроется тихо в туман.

Пров. Слушай, а кто теперь той бедной тетке помогать будет?

Зоя. Какой тетке?

Пров. Ну, ты говорила, у которой пенсия маленькая.

Зоя. Не знаю.

Пров. Давай как-нибудь подрабатывать в ее пользу. Тимур и его команда... Я, знаешь, боюсь.

Зоя. Чего? Мать замяла это дело.

Пров. Нет, не этого. Чтоб не как Коля Хабалкин...

Зоя. Ты что? Что ты!

Пров. Нет-нет... Не бойся!..

Зоя. Вы приятели были?

Пров. Нет. Так, иногда вместе до метро шли, и то редко. Он как видит, что кто-то за ним идет, шагу прибавляет, не хочет. Кто же будет навязываться... В тот день я еще удивился, что он меня догнал. Идем, говорит, вместе. Я, знаешь, почему-то даже обрадовался. Думаю: «Со всеми молчит, а ко мне сам подошел». Лестно вроде. Глупо, конечно... И как-то он это так сказал — «Пойдем вместе»... Что-то у него в голосе было.

Зоя. О чем говорили-то?

Пров. Так. Болтали. Про кино, про последние известия. Я вот в уме все перебираю... Во-первых, почему он ко мне подошел. Вернее, не почему, а зачем. Ему что-то надо было. Дошли. Он говорит: «Будь-будь!» Я тоже: «Будь-будь. Пока!» А этого «пока» уже и нет. Есть «все», а не «пока». А ведь он чего-то ждал, я это чувствовал. Ведь зачем-то догнал. Он же ко мне, вроде как к печке погреться, прислонялся, а я... Мне бы, понимаешь, вместо «пока» спросить: «Коля, ты что-то темнишь, выкладывай». Я понимал, что эту фразу надо было произнести, но из-за какой-то вшивой фанаберии не сказал. Мол, ты мне «пока» и я тебе «пока». Идиот! Надо слушать внутренний голос, а не дурацкие мозги. Они только крутят, крутят...

Зоя. А во-вторых?

Пров. Что – во-вторых?.. А... А... Во-вторых, среди трепа нашего он меня спросил – и ты знаешь, ни с того ни с сего: «У тебя много злых мыслей?» Я подумал, что он это обо мне, – дескать, не злюсь ли я на него, что он всегда в стороне. «Нет, – говорю, – немного, чего мне на тебя злиться». Он засмеялся: «Да я не о себе, не все ли мне равно, как ты обо мне думаешь». Это он с досады, что я именно о нем подумал. «Я тебя вообще спрашиваю: много у тебя в голове злых мыслей?»

Зоя. Ну, а ты чего?

Пров. Я говорю: «Бывают, конечно, но потом, слава Богу, испаряются».

Зоя. А он?

Пров. «Завидую», – говорит. А потом добавил: «Звери, наверное, счастливее людей, они не мыслят». Я ему говорю: «Ну, тогда, знаешь, растения еще счастливее». А он уже прямо как-то с остервенением: «Верно, самые счастливые – камни! Я бы хотел быть камнем. Существовать миллионы лет, все видеть и ни на что не реагировать».

Зоя. Жуть какая!

Пров. «Откуда ты знаешь, – я ему говорю, – что камни ничего не чувствуют? Вот выяснилось: растения чувствуют. Цветы реагируют, например, когда к ним приближаются с целью сорвать, и по-другому – когда понюхать».

Зоя. Ерунда какая! Что, по-твоему, если я рву цветы, им больно?

Пров. Говорят.

Зоя. Ты уж извини. Тогда вообще жить невозможно.

Пров. Я когда с портфелем побежал, у меня противная мысль была, даже, знаешь, не столько противная – злая. Злоба, конечно, от бессилия возникает.

Зоя. Да что у тебя?

Пров. Я хочу, чтоб дом был чистый.

Зоя. А я совсем по-другому все чувствую. Отец в тюрьме, мать пьет часто, но я ее понимаю... Я люблю жизнь и детей учить хочу. Я буду их учить любить жизнь... Хочешь, я тебя поцелую?

Пров смотрит на Зою. Та подходит к нему и частыми поцелуями покрывает его лицо. Прижимаются щека к щеке.

Не надо. Проша! Не надо!..

Пров (улыбаясь). В глазах светлеет.
Зоя. Проша, я не люблю злых.

Во время разговора Прова с Зоей Искра и Наталья Гавриловна переносят вещи Искры из ее квартиры в комнаты Судаковых.

Наталья Гавриловна. Проша!

В столовую вошел Пров.

Ты пока в кабинете отца останешься. В твоей комнате будет Искра.

Пров. Пожалуйста!

Слышны удары молотка, забивающего гвозди.

Что это?

Наталья Гавриловна. Понятия не имею.

Пров идет на стук, возвращается и проходит в кабинет. Входит Егор.

Егор. Мне никто не звонил, Наталья Гавриловна? Наталья Гавриловна. Нет. А вы встретились с товарищем?

Егор. Да. Славно поболтали, я его давно не видел. В школе учились вместе. Он из Челябинска приехал на праздник...

Входит Судаков.

Я, Степан Алексеевич, вчера забыл вам сказать: на заседании в главке...

Судаков. Наташа, ты Севостьяновых помнишь? Нат алья Гавриловна. Каких Севостьяновых? Судаков. Из наших же, он еще на Подшипнике инженером...

Наталья Гавриловна. Конечно, помню. Судаков. Мы же лет двадцать не встречались. Позвони, авось они вечером свободны, подъедем. Старое вспомним...

И Орлову бы позвонить.

В столовую входят Пров и Зоя. Все смотрят на Егора. Егор пошел на свою половину. Входит Искра.

Искра. Там закрыто. Возьми ключи и пройди своим парадным.

Егор. Я пройду здесь.

Искра. Не смей!.. (Швыряет ему ключи.)

Звонят в дверь. Пров бежит открывать. Возвращается с двумя неграми, очень рослыми и респектабельными, с ними – переводчица. Очень маленькая юная девочка – Соня.

Пров. Папа, к тебе.

Соня. Здравствуйте. Вы, Степан Алексеевич, любезно разрешили побывать у вас...

Судаков. Да-да! Милости просим!.. Пожалуйста, присаживайтесь! Наташа, кофе, коньяк. (Здоровается с гостями.) Жена – Наталья... моя, как у нас говорят, половина... Это мое семейство... Сын... мой сын Пров, ученик девятого класса... Дочь – Искра... я ей дал это имя... Знакомая девочка сына...

Пров (тихо). Зоя.

Судаков. Зоя... Мать работает в торговой системе обслуживания трудящихся...

(Смотрит на Егора.) Это... это... (Губы его задрожали, и хрипота сдавила горло.)

Наталья Гавриловна. Это Георгий Самсонович Ясюнин – наш сосед.

Судаков. Живем мы хорошо...

Пауза. Гости заметили черные маски и стали на них молиться со своими, ритуальными жестами.

Занавес